

У Л Л О

ГОРНЫЙ БАРДЪ.

У Л Л О
ГОРНЫЙ БАРДЪ,

И Л И

СТРАШИЛИЩА въ СНАЛАХЪ

Х И Л Л Ы.

Книжка I.

Переводъ съ Английскаго.

И . . . Т . . . ' в а .

Изданіе второе.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1813.

Первое изданіе напечатано съ одобренія Ценсурнаго Комиссiона, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Зефиръ для насъ съ небесъ вѣсть сладкую снесетъ ;

Опчаянiя мракъ надеждой озарился
И мѣршвыи кинарисъ чудесно разцвѣ-
шетъ.

Кипо былъ нещасливъ, вдругъ отъ
щастья прослезился.

К . . . нѣ.

Дикiе горныя вѣпры завывали
въ ущелияхъ грозныхъ скалъ
Хиллы, до небесъ возносящихся,
и послѣднiе угасающiе огни
горизонта исчезали въ сере-

бряныхъ валахъ водопада, возмущенный вешромъ быстро съ шумомъ орошалъ онъ долину, и осенніе шуманы вмѣстѣ съ мрачными шѣнями вечера разспилались съ величественныхъ ихъ вершинъ надъ его волнами. Дикъ и мраченъ былъ видъ природы — когда *Отмаръ* въ борьбѣ съ сердцемъ своимъ медленнымъ шагомъ проходилъ чрезъ холмы окрестности. Грозно ревела буря въ густотѣ лѣса — ужаснѣе свирѣпствовало опчаяніе въ груди юноши. Опягченный горестію, гонимый злобою, спрадалецъ бродилъ и помился; — одно мертвое уединеніе, одни шихія слезы, облегчали его сердце. Въпры горные заглушали томные вздохи его, и разносили

въ дали пустынной — Свѣтъ казался ему мрачною пустынею, люди — спрашными извергами, и несчастный юноша; тогда только торжественно въспомнилъ пріятнѣйшія минушы, когда громаы гремели въ черныхъ пучахъ, когда молніи вились на хребтахъ горныхъ, и когда вся природа возмущалась, и разливала всюду блѣдные ужасы.

Объяшый мрачною тѣнію наступившей ночи, упоженный пушемъ, бросился онъ на навислый надъ пропастію камень горы Хиллы, и мушныя взоры его блуждали въ темношѣ ночи; съ чувствомъ хладнаго ужаса, пробѣгали заблудшіе спрашники сіи мершвыя долины, и по сказаніямъ спарцевъ, всегда дѣлались жершвою злыхъ ду-

ховъ, кои обитали въ мрачныхъ и непроходимыхъ ущесгахъ, и страшными ужасами пугали пушниковъ, осмѣлившись приближаться къ гранишнымъ ихъ убѣжищамъ. Горесно бродили взоры Опмаровы по всѣмъ ущеліямъ, искали жилища горняго жителя Уллы, барда угрюмыхъ сихъ ущесовъ, извѣстнаго по очаровашельной своей арфѣ, кошорою привлекалъ онъ спранниковъ, и предавалъ ихъ въ горные ущесы злобымъ духамъ, своимъ союзникамъ.

Для *Отмара* не имѣла ничего страшнаго эта пущыня — онъ много слыхалъ различныхъ приключеній въ таинственныхъ ея пещерахъ, но безбоязненно и исполненъ доверенно-

спи приближался къ мрачному жилищу непріязненныхъ духовъ; люди оправили всѣ радости жизни его, умершвили всѣ милья его мѣчшы, угасили сладосныя надежды, похищили спокойствіе, и шеперь искалъ онъ похищеннаго мира, въ однихъ мрачныхъ тѣняхъ смерти. Томные вздохи его, превращались въ горестныя сненанія — изліанія скорбнаго сердца. — Искренно и пламенно было его желаніе призвать ужаснаго горнаго барда. — Сердце его предчувствовало, что сей страшный житель приметъ съ участіемъ нещаснаго, приближающагося къ нему съ полною, душевною довѣренностію, и своею силою всевѣденія прояснитъ ему мрачную, непро-

нищаемую для него будущность.

Мутный взоръ его терялся на вѣршинѣ высокаго утеса Хиллы — возносящемуся гордо подъ облака, подобно грозному Коллосу, его жалобы опзывались въ граничныхъ сменахъ скалъ, и его частые вздохи мѣшались съ завывающею бурею—

Вдругъ ночный вѣшрѣ, приносилъ ему звуки Улловой арфы — Тихія, очаровательныя, подобныя шептанію тѣней въ поляхъ Елисейскихъ. Сладко раздались звуки златоспружныя арфы въ груди Опмара, и каждый тонъ ихъ изливалъ, утѣшеніе въ глубину его души; пламенно забилося сердце его,—облегченный отъ горестныхъ чувствъ, едва дышущій онъ внималъ сей

божественной гармоніи—Наконецъ арфа умолкла, и послѣдніе звуки ея исчезли въ глухой тишинѣ ночи. Вдругъ раздался шумъ въ кустарникахъ, окружавшихъ утесы — съ шрепетомъ оглянулся Ошмаръ, — и почтенный спарецъ, идущій къ нему сквозь кусты дикихъ миртъ, представился его взорамъ —

„Чьи жалобы, нарушая тишину безмолвныя ночи, проникли въ мою уединенную пещеру? Смертный! Кто ты? — Ошмаръ: Несчастный! —

Старецъ. Такъ бѣги ужаснаго сего жилища духовъ непріязненныхъ, или поздно будешь раскаиваться въ своей дерзости; — Ни одинъ смертный не удалялся безъ наказанія отъ

сихъ мѣстѣ. Сердца сихъ духовъ безчувственны и шверды, подобно кремнистымъ ушесамъ, ихъ окружающимъ. —

Отмаръ. Старецъ! кромѣ жизни — мнѣ нечего потерять болѣе — Она несносна спрадальцу — Щаспіе, радости злыхъ дней моихъ, угасли еще на зарѣ ихъ. — И пакъ, что могутъ теперь похишить у меня горные духи? —

Старецъ. Не ужели судьба совершенно тебя оставила? — не ужели ни одинъ лучъ надежды, не можетъ прояснить мрачности своего сердца? —

Отмаръ. Никакой! Оно увяло!...

Старецъ. Бѣдный юноша — ты заблуждаешься! Мрачны и запутанны слезы своей жизни: но нѣкогда озарятся и они

разсудкомъ; озаряшся и — приведушь себя къ щасливой цѣли — пишай надеждою духъ швой — удались отселѣ, и не ищи утѣшенія среди безплодныхъ скалъ и бездонныхъ пропащей, въ кошорыхъ нещасіе основало ужаснѣйшее жилище свое. Каждый изъ этихъ утесовъ ознаменованъ печашью ужа са и мертвой печали

Отмаръ. Развѣ тебѣ страна сія, и всѣ ея ужасы, коротко извѣсны? —

Старецъ. Конечно — я пустынный житель, одного изъ сихъ утесовъ — все страшное я испыталъ — Знай, незнакомецъ! что эта гора естъ обитель трепета; — Съ первыхъ тѣней и мракоу вечера, до первыхъ лучей утренней

зари, ненавистники смертных души, разливають ужасъ въ окрестностяхъ мрачныхъ сихъ скалъ. — Видишь ли сей кремнистый утесъ, преклонившій грозную вершину свою надъ быстрымъ водопадомъ въ подземной пещерѣ, у его подошвы обитають злобные души. Сердце трепещетъ отъ ужаса: еслили вспоминаю я пѣспрашныя видѣнія, копорыхъ былъ я свидѣтелемъ въ уединеніи моемъ! Бѣги, Ошмаръ! бѣги сего мѣста — сей обиталище ужасовъ и несчастій. —

Отмаръ: Какъ? тебѣ извѣстно мое имя?

Старецъ — Я знаю тебя — знаю и случаи жизни твоей, твою судьбу, и можетъ быть лучше, нежели ты самъ. —

Отмаръ. Еслили ты говоришь истинну; шо тебѣ извѣстно и тяжкое бремя, лѣжащее на моемъ сердце, ты не заспавишь вѣрно умолять тебя напрасно — просвѣтишь взоры мои; — да проникну таинственную завѣсу, скрывающую отъ меня будущность моей жизни.

Старецъ. Я не могу прѣсупить законовъ судьбы. Еслилибъ и могъ исполнить швое желаніе, но могу тебѣ сказать только шо, что путь швоей жизни, сколь онъ ни запутанъ, ни мраченъ, окончится величественно и ясно, подобно захожденію солнца вечерняго. —

Отмаръ. Точно ли могу я пошашья эшою сладостною надеждою? Старецъ! я себя незнаю, но я чувствую, что ты

шомъ, за кого я почиалъ тебѣ прежде. И для того позволю предложить тебѣ еще одну просьбу —

Старецъ. Охотно.

Отмаръ. Ясно и радостно текли, дни непорочной моей юности, и любовь прелѣспной *Мионы* довершила мое блаженство. Уже съ сладостною надеждою ожидалъ я дня, который долженъ бы соединить меня съ моею любезною, какъ вдругъ неожиданная буря разразилась надо мною, и низвергла меня съ высоты очаровательнаго моего блаженства; въ бездну ужаснѣйшаго опчаянiя.

Старецъ. Рука низвергшая нѣкогда, снова тебя воспавишь; и мирная радость увѣнчаетъ всѣ твои желанiя.

Отмаръ. Утешеніе лѣстное! но оно никогда не исполниш-ся! Я не въ силахъ понять моихъ проступковъ — Если я въ нихъ невиненъ, то за что судьба меня преслѣдуетъ? Тебѣ всѣ извѣстно, Старецъ! пронься спраданіями несчастнаго и извясни мнѣ загадку. — Бруно, родитель мой, любилъ меня со всею горячностію добродѣтельнаго отца, я любилъ его со всею горячностію благодарнаго сына. — Въ каждый день старался дѣлаться достойнымъ его нѣжности. — Я былъ его радость, его надежда. Онъ зналъ любовь мою въ *Минонѣ*, упивался ею — но вдругъ спалъ такъ жестоко сердце, что въ послѣднія минуты своей жизни, лишилъ

меня сладчайшаго моего щастія, и разрушилъ всѣ мои надежды. Тайные его переговоры съ опцемъ *Мионы*, предъ его кончиною, лишили меня отеческой любви благороднаго *Росвика*, родителя *Мионы*, и превратили ее въ непримиримую ненависть: — что сдѣлалъ я моему родителю? чемъ я заслужилъ отъ него такое ужасное мщеніе?

Старецъ. (Въ сильномъ движеніи) Твоему родителю? — Плачь о немъ — онъ былъ несчастенъ!

Отмаръ. Я непонимаю тебя.

Старецъ. (съ чувствомъ) Отецъ твой есть несчастнѣйшій изъ смертныхъ. —

Отмаръ. (Съ удивленіемъ) Есть? — его нѣтъ болѣе — онъ умеръ.

Старець. Умерв! — но все равно, онв еств нещаснвйшій изв смертнхв!

Отмарв. Это загадка!

Старець. Будущность имв-ствв ключв кв эшой таинствен-ной загадкв и извяснитв ее — между твмв будв спокоенв, и ожидай терпвливо ея отккры-тїя.

Отмарв. Терпвливо? я буду разлученв св любезною, копо-рой полна вся душа моя — кв которой я горю чиствйшею, небесною любовїю; до твхв порв сердце мое не можетв чувствовашь, ни сладостей ща-стїя, ни радости, ни спокой-ствїя.

Старець. Время, все испре-бляющее, испребитв и твою горесть, подружитв тебя св

твоимъ непріязненнымъ рокомъ, и принесешь новое блаженство въ будущіе дни твоей жизни.

Отмаръ. Мечта! Но извѣстенъ ли тебѣ *Росвикъ* — его твердый и непоколебимый характеръ?

Старецъ. Извѣстенъ.

Отмаръ. Знаешь ли и то, что со времени тайнаго и несчастнаго открытія, которое умирающій мой отецъ ему дѣлалъ, онъ не навидишь меня, какъ страшнаго своего врага, что замокъ его теперь для меня день и ночь затворенъ, для меня, который прежде, какъ нѣжный сынъ, всякій день былъ съ *Минною* на глазахъ его?? — Любезная душа моей отъ меня удалена и со-

крыша и при малѣйшемъ покушеніи моемъ ее видѣшь, угрожаетъ онъ мнѣ ужаснымъ мщеніемъ.

Старецъ. Я знаю все, и еще болѣе, нежели ты самъ.

Отмаръ. Такъ опкрой мнѣ, еспьли ты удостоенъ довѣренностію того спрашнаго таинства, которое родитель мой сокрылъ отъ меня, въ обителі хладной смерти — прошу, закланаю тебя, опкрой мнѣ ее. — Ужасная неизвѣстность, меня окружающая, скоро умертвитъ меня; что пресупилъ я предъ *Росвикомъ*, что онъ мститъ мнѣ и гонитъ меня, разрушая совершенное мое щастіе?

Старецъ. Отецъ твой былъ несчастенъ; его несчастіе пало

и на сына его, обнаруженное преступленіе изгладило въ тебѣ любовь благородной души *Розвика*; и превратила ее въ ужаснѣйшую ненависть.

Отмаръ. Ты умножаешь шанишво; вмѣсто того, чшобы опкрышь его; преступленіе отца моего превратило любовь *Росвика* ко мнѣ въ ненависть? но мой отецъ, былъ и умеръ искреннѣйшимъ другомъ *Росвика*, еще и теперь *Росвикъ* почищаетъ память драгоцѣннѣйшаго его друга съ глубокою горестію, и пламенною брашскою любовію; могъ ли бы онъ нишать такіе благородные чувсшва въ душѣ своей, есплибъ мой родитель былъ прошивъ него преступникомъ, коего преступленія обраши-

ли мщеніе и на меня, его сына ? ? —

Старикъ. Будь терпеливъ. Будущность откроетъ таинственную завѣсу происшествій, и вѣрь моимъ обѣщаніямъ, что наконецъ всѣ твои желанія, увѣнчающіяся щасливимъ успѣхомъ, сладостною наградою терпѣнія.

Отмаръ. Развѣ можешь ты истребить ненависть *Росвика* ко мнѣ, и возвратишь мнѣ прежнюю его любовь, возвратишь въ обладаніе драгоцѣннѣйшее сокровище души моей, его любезную дочь?

Старикъ. Могу,

Отмаръ. (Въ величайшемъ удивленіи) Какъ! развѣ ты въ силахъ превращаешь мечту въ

дѣйствишельность; и невозможное въ возможное?

Старецъ. Я могу извлекашь паинсшва, заключенные въ гробахъ и могилахъ, чшобъ упошребить ихъ для пользы нашей. Тебъ важешся все это не возможнымъ, но нѣкогда пламенные наши желанія увѣичающся радостію — Ошмаръ! мы соединены между собою ближайшими узами, нежели ты воображаешъ.

Отмаръ. Какъ? я вижу тебя еще въ первыи разъ, и почши не возможно было ожиданъ, споль коропкаго знакомсшва между нами, ешъли бы оно не основывалось на паинсшвенной власти вашей.

Старецъ. Такъ юноша! сколь неизвѣшно для шебя лице

мое, споль близки и неразрывны соединяющіе насъ узы.

Отмарѣ. Я не понимаю эптого, — кшо пы?

Старецѣ. Твой другѣ, кошо рой испинно шебя любитѣ, желаетѣ тебѣ добра и щасшїа; — и сѣ жаромѣ ищепѣ заняте по мѣсто вѣ сердцѣ швоемѣ, кошо рое занималѣ нѣкогда почшеный *Бруно.* Дай мнѣ руку швою *Отмарѣ,* награди меня швоею довѣренностїю — и называй меня опцемѣ — пы бѣдешѣ мнѣ сыномѣ, я буду защипникѣ швой, и полезными совѣтами опкрою тебѣ пущѣ кѣ новому щасшїю.

Отмарѣ. Пламень, одушевляющїй все, слова пронцаетѣ вѣ мое сердцѣ, и велишѣ мнѣ сѣ полною довѣренностїю тебѣ во

всемъ послѣдовать, позволь мнѣ совершенно узнать тебя, открой свое имя; кто ты?

Старецъ. Называй меня отцемъ; — подѣли мое имя и я пріятнѣй всѣхъ пріиму и привѣтствія твои и благодаренія.

Отмаръ. Развѣ нѣтъ у тебя другаго имени?

Старецъ. Послужитъ ли оно, если въ сердце твое полную доверенность ко мнѣ?

Отмаръ. Я надѣюсь столько, сколько и желаю этого сердечно.

Старецъ. Хорошо, *Отмаръ!* Ты можешь проникнуть тайну? и такъ знай, я тотъ, которому извѣстно будущее, я житель этихъ горныхъ скалъ.

Отмаръ. Какъ! — мое ожиданіе не было напрасно, ты ужасный Улло, бардъ горный!

Старецъ. Я Улло, бардъ горный, но не ужасный, какимъ называютъ меня многіе; — по крайній мѣрѣ я не буду шаковымъ для себя — чтожь ты смотришь на меня съ такимъ ужасомъ?

Отмаръ. Духъ — или смертный, кто бы ты не былъ, я чувствую себя возвышеннымъ въ швоемъ присутствіи.

Старецъ. Почему?

Отмаръ. Извѣстія, распространяющіяся о швоей власпи, и о тебѣ самомъ, чрезвычайны.

Старецъ. Кто я; и что можешь власть моя, ты узнаешь изъ послѣдствій, но никогда мое могущество не будетъ удѣ-

ломъ швоимъ, оно проводитьъ насъ по сшезѣ надежной къ той цѣли, которая привлекаетъ къ себѣ общія наши желанія, и примиритъ съ судьбою, насъ обоихъ преслѣдующею. Называй меня опцемъ, сынъ мой! я буду спарашься бышь достойнымъ сего драгоцѣннаго имени — приди въ мои обѣщанія! — сюда — къ моему сердцу, которое исполнено къ тебѣ любви, поцѣлуй меня — я буду воображать, что это поцѣлуй сына!

Отмаръ. (Падаетъ въ обѣщанія спарца).

Старецъ. Давно не вкушалъ я такого удовольствія, давно такіе сладостные часы для меня пролѣтели — Пріими, великій Боже! сердечное благодареніе за сію драгоцѣнную мину

щасія отъ пламенной души и оцаспливъ моего любезнаго сына швоимъ благословеніемъ.

Отмарѣ. Твои слова опзываются сладосшно въ глубинѣ души моей, подобно какъ звуки злалоспрунной швоей арфы — Они влежутъ къ шебѣ мое сердце полное любви и нѣжнѣйшей довѣренности. Съ горячностью души я называю шебя опцемъ, еспли влась швоя защищашъ меня и хранишъ чего могу я опасаться?

Старецѣ. Желашъ ли шы ввѣришь себя совершенно моей власи?

Отмарѣ. Охотно.

Старецѣ. Храни это обѣщаніе, и шы никогда не будешъ расклевашъ въ своей довѣренности вездѣ, гдѣ бы шы ни

былъ, я буду невидимымъ твоимъ спутникомъ, стану охранять тебя въ опасностяхъ, какаябы отдаленность насъ не разлучала, ты слышалъ звуки арфы моей — часто въ послѣдствіи ея гармоніи будешь издали касаться твоего слуха, рѣдко только можно будешь мнѣ являться къ тебѣ, но невидимо и въ тысячи различныхъ видовъ буду я всегда съ тобою, и тогда, сынъ мой! почишь звуки игры моей путешественниками своими, — общаешься ли это мнѣ?

Отмаръ. Я общаю, и съ радостью послѣдую наставленіямъ твоимъ.

Старецъ. Твоя собственная польза и счастье зависятъ отъ того; слѣдуй мужественно;

предолѣвая препяшствія, кошо-
рые могутъ съ тобою встрѣ-
питься, мирное щасшіе будущ-
ности будешъ твоєю наградою.

Отмаръ. Я не измѣню обѣ-
щаніямъ моимъ, но теперь изъ-
ясни мнѣ почтенный ошецъ!
точно ли ты то, чѣмъ тебя
я почишаю, духъ или человѣкъ,
или существо, которое сосла-
вляетъ между ими средину и
какъ говорятъ, обитающей въ
сихъ пещерахъ въ неизчешномъ
множествѣ различныхъ ви-
довъ?

Старецъ. Умѣрь свое любо-
пытство; теперь не могу я еще
тебѣ оповѣщивать — Оставь
меня бытъ тѣмъ, что я есмь;
будь увѣренъ въ моемъ друже-
ствѣ и въ искреннемъ же-
ланіи щасшія но — доволь-

но, ночь давно одѣла насъ мрачною своею завѣсою — наступилъ часъ, въ кошорой я не принадлежу себѣ болѣе — намъ должно разсѣяться.

Отмаръ. Развѣ ты отъ кого зависишь — и куда ты идешь?

Старецъ. Не спрашивай меня болѣе, снѣши изъ эпой мрачной страны, кошорую наступающая ночь окружаетъ новыми ужасами. — Снѣши, повторяю тебѣ, и помни отеческія мои нопавленія. Если мое присутствіе будешь необходимо для тебя, ты можешь призвать меня посредствомъ этого серебрянаго рога — обращай къ сей горѣ, запробивъ въ него и я явлюсь немедленно, но прошу тебя его употреблять только въ вели-

чайшей нуждѣ и опасности, естли желаешь, чшобѣ звуки его имѣли свое дѣйствіе (даешь ему рогѣ)

Отмарѣ. Благодарю тебя мой отецѣ и другѣ! за эшотѣ подарокѣ, онѣ ушверждаетѣ мою надежду на швою защиту — онѣ будетѣ драгоценнѣйшимѣ моимѣ сокровищемѣ.

Старецѣ. Теперь оставь меня — слышишь! горное эхо пробуждается отѣ громкаго звука въ глубинѣ пещерѣ, слышишь — какѣ глухо раздается оно въ подземельѣ, и быстро пробѣгаетѣ по гранишнымѣ сводамѣ. Ночные ужасы наступаютѣ — удались немедленно.

Отмарѣ. Въ которую сторону долженѣ идти я, чшобѣ избѣжать ихѣ?

Старецъ. На лѣво, вокругъ угла этой скалы — узкая пропинка проведешъ тебя съ ушеса на ту спорону горныхъ водопадовъ, гдѣ идешъ большая дорога. Спрашисъ оспавашся болѣе, проси! — мы скоро увидимся.

Старецъ опшступилъ послѣ сихъ словъ назадъ, и когда *Отмаръ* обратился еще разъ взглянушь на него, онъ изчезъ уже въ шемношѣ ночи. —

II.

Громъ гремелъ еще въ мрачной пучѣ, висевшей надъ однимъ изъ возвышенныхъ утесовъ, и казалось, каждую минушу усиливался пѣнистые валы водопада, который съ шумомъ упдалъ съ кремнистыхъ скалъ къ ногамъ *Отмара*, прескъ и скрипъ деревьевъ въ ближнихъ лѣсахъ умножали еще болѣе величественную картину ночи среди пустынной природы — изрѣдка блѣдныя молніи освѣщали пропасти, таящіяся во мракъ и открывая ихъ *Отмару* увеличивали ужасъ въ душѣ его, изрѣдка задумчивый видъ луны проникалъ изъ за мрачныхъ облаковъ, и слабо освѣщала картину мершвой природы.

Какъ раскаты грома и какъ ревъ грозныхъ волнъ морскихъ разлился глухой шумъ вблизи, звуки громкихъ ударовъ и голосовъ неслись прямо къ *Отмару* и ударясь въ гранишныя стѣны отзывались горнымъ эхомъ подъ навислыми утесами; ночныя пщицы, возбужденныя въ безмолвныхъ уединеніяхъ своихъ, вились надъ нимъ съ страшнымъ крикомъ, и впереди его, казалось, мелькали призраки и останавливали его въ пути. Невольный ужасъ, ко-его преодолѣть онъ былъ не въ силахъ, разлился по его са-спавамъ; пренещущій удвоилъ онъ шаги свои добы избѣжать скорѣе страны, наполненной сверхъестественными явленіями и ужасами; на крыльяхъ

страха лѣшелъ онѣ по пропину-
кѣ, показанной ему *Уллолѣ*.
Сильно билось сердце его, но
слышанный шумъ умножался
и, казалось, преслѣдовалъ его
по слѣдамъ и становился все
ближе и ближе, Опмарѣ до-
стигъ наконецъ малой рощи,
которая граничитъ съ непре-
рывною цѣпью хребтовъ гор-
ныхъ; но едва вступилъ въ нее
нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ
множество людей страшнаго,
дикаго вида, успремились на
него изъ за густаго кустар-
ника; и съ обнаженными меча-
ми заснули ему дорогу.

Съ дикимъ бѣшенствомъ бро-
сились на него ужасные жише-
тели горъ, — и прежде нежели
Опмарѣ могъ прийти въ себя
отъ страха и изумленія, былъ

онъ уже окруженъ ими и послѣ опчаяннаго сопротивленія обезоруженъ и низвергнутъ на землю.

„Во славу нашего великаго начальника схватите сего преступника, и предайте дерзкаго мщению имъ заслуженному,“ вскричалъ предводитель къ прочимъ.

Страшно заблестали мечи незнакомцевъ надъ Опмаромъ; лишенъ всякой защиты, преданный на жертву ярости своихъ враговъ, шепеталъ онъ вспрѣчая вѣрную смерть, какъ вдругъ вспомнилъ о подаркѣ *Улы* и обѣщанія вѣрной помощи.

Быстро подноситъ онъ серебряный рогъ къ шепещущимъ губамъ своимъ; спешенная опасностію грудь его из-

дала дикіе, громкіе звуки, страшно разнеслись они на вершинахъ и во внутренности скалъ, ударяясь въ утесистыя стѣны, повпорялись многократнымъ громкимъ эхомъ; убійцы оцѣпенѣли отъ ужаса едва изчезло послѣднее эхо, какъ гармонія арфы *Улловой* излилась съ высоты въ долину — Противники Опмаровы блѣдны, препенуци отступили назадъ и мечи упали изъ дрожащихъ рукъ ихъ.

Внѣ себя отъ удивленія просмервъ Опмаръ воскресшіе взоры свои и *Улло* въ длинномъ одѣяніи ослабляющей бѣлизны пришекъ ему на встрѣчу съ высотъ горныхъ, подобно крошкѣ пѣни вѣчности; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ златоспрун-

ную арфу, а правой угрожалъ злодѣямъ; съ ужаснымъ воплемъ опчаянiя, какъ сраженные жесточайшимъ ударомъ грома, поверглись они безчувствѣ на землю.

„Что это! что я вижу,“ векричалъ изумленный Ошмаръ.

„Слѣдуй за мною,“ сказалъ тихо Улло, моя власть низвергла этихъ злодѣевъ и обезоружила ихъ; теперь удались доколь они не выйдутъ изъ своего безчувствiя. Улло коснулся злопоспрунной арфы, дикiе акорды раздались мгновенно и подобно молнiи пролѣтели смершную пишину, царсвовавшую окресивъ; между тѣмъ самъ неся тихо предъ *Отмаромъ*; и провелъ его въ сторону ошв безчувственныхъ прошивниковъ.

Съ трепетомъ взиралъ *Отмаръ* на поверженныхъ, когда еще былъ посреда́ ихъ. Не опасайся, сказалъ Улло — ихъ чувства охладѣли, крѣпкой сонъ сомкнулъ взоры ихъ — они беззащитны; слабый младенецъ можешь ихъ низвергнуть теперь въ ничтожество еще разъ употреблю я права мои надъ ними и они исчезнутъ, желаешь ли ты этого?

Отмаръ. Въ чему послужитъ мнѣ ихъ гибель, если власть твоя охраняетъ меня, и не имѣю причины спрашиваться ихъ болѣе.

Улло. Такъ — *Отмаръ*! думай всегда одинаково, и ты достоинъ будешь всей моей любви и еще большей защиты и покровительства.

Отмаръ. Однакожъ я бы желалъ знать, кто причиною нападенія на меня эшихъ злодѣевъ? *Росвикъ* — врагъ мой — онъ гонитъ — преслѣдуетъ меня? — но благородная душа его неспособна къ такому поспунку — онъ не унизитъ себя сколько, чшобъ для истребленія моего взшелъ въ подлый союзъ съ убійцами.

Уло. Время откроетъ тебѣ эту загадку, но теперь я скажу тебѣ въ предосторожность: спрашисъ швоего скрышнаго злодѣя, но еще болѣе спрашисъ того, кошорой кроясь подъ маскою дружества, близокъ къ тебѣ, и подъ ея блѣстящею наружностью скрываетъ тайную злобу и мщеніе.

Отмаръ. Я не понимаю тебя.

Улло. (Держитъ мешаллическое зеркало предъ его глазами) знаешь ли ты этого?

Отмаръ. *Гиральдо!*

Улло. Теперь понимаешь ли меня.

Отмаръ. Въ половину только.

Улло. (Въ другой разъ подноситъ зеркало) взгляни еще разъ и научись разумѣть меня.

Отмаръ. (Съ ужасомъ) О небо! что я вижу?

Улло. Это точное изображеніе *Гиральда!* будь остороженъ и осмотрителенъ, не вѣрь всякому улыбающемуся лицу, общающему тебѣ дружбу и доброту сердца, но испытай его.

Отмаръ. Не ужели *Гиральдо* обманщикъ? не ужели лице его, зеркало добродѣтели — одна только маска?

Улло. Точно — повѣрь мнѣ, сынъ мой! что лица людей не иное что, какъ маски, на которыхъ ложная хитрость изображаетъ внутреннюю злобу и пороки въ чертахъ добродѣтели и дружелюбия, чтобы очаровать и погубить лѣгковѣрнаго эша несчастная истина стоить мнѣ весьма дорого — и меня нѣкогда довѣренность къ людямъ сдѣлала несчастнымъ, и заставила ненавидѣть ихъ. Еслибъ не было этого, тогда бы страшный духъ *Уллы* не разливалъ трепета въ здѣшнихъ мрачныхъ пещерахъ; онъ обиталъ бы мирно въ долинахъ среди живущихъ людей — своихъ братьевъ, которыхъ теперь ненавижу ужасно, и

коимъ клялся вѣчно непримиримою враждою.

Отмаръ. Ты ненавидишь людей? — И такъ слухъ справедливъ, кошорый распространился о твоихъ преслѣдованіяхъ и мщеніи людямъ, коимъ нельзя внимать безъ ужаса и трепета, и кошорый отдаляешъ смершнаго отъ здѣшнихъ странъ.

Улло. Правда — изъ мрачнаго лона скалъ Хиллы, гдѣ царствуетъ власть ужаснаго *Уллы*, не изходишь мирная радость, но ужасы и ничтожество; для тебя только исчезли они въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Отмаръ. Почемужъ только для меня? —

Улло. Потому что ты, как несчастный, требовал моей помощи, и потому, что *Улло*, друг твой — доверенность, с которою ты вступил сюда, уничтожила для тебя ужасы, обитающие в сих грозных утесах, довольно — Вои камень, который будет знаком нашей разлуки, следи безбоязненно по этой дороге, она проведет тебя безопасно в твое жилище, а меня опзывает час в мою пещеру.

Отмаръ. Когда же я увижу тебя?

Улло. Как скоро присутствие мое будет тебе полезно, тогда я не засиравлю тебя искать меня напрасно — До тех пор прощай, и по-

мнѣ обо мнѣ — Онѣ обернулся
в шихо понесся онѣ изум-
ленного *Отмара*, коего взоры
преслѣдовали за нимѣ, покуда
мерцаніе бѣлой одежды изче-
зло за ушесами. Исполненѣ
живѣйшей надежды возвра-
тился *Отмарѣ* въ свой за-
мокѣ.

III.

Въ сторону за лѣсомъ, копорый ошдѣлялъ долину ошв мрачныхъ и грозныхъ скалъ Хиллы — посреди горныхъ утесовъ возвышался величественно замокъ добродѣшельнаго *Росвика*; — ясны и невозмущенны прошекали дни его жизни посреди милаго семейства, любезной супруги и двухъ нѣжныхъ дѣшей *Эдгарда и Миноны* — Оба они были его надежда и радость, въ обоихъ видѣлъ онъ самаго себя снова оживающаго. Исполненъ сладостной надежды, съ мирною тишиною сердца устремлялъ онъ радостный взоръ въ мрачность будущаго, когда сынъ его возрастетъ, будетъ мужемъ и героемъ, ра-

спространилѣ, — умножилѣ блескѣ и славу своего рода, честь своего отца, не воображая, что не ожиданно извѣ мрачной будущности прилѣтяшѣ ужасы и несчастія, которые испребяшѣ всѣ пріятныя мечты его и низвергнушѣ лестныя надежды, питающія его душу!

Не далеко отъ его замка жилѣ уединенѣ *Рино* — человекѣ, которому онѣ прежняго богатства, блеска и величія ничего не оспалось, кромѣ одной бѣдной жижины, въ которой онѣ съ сыномѣ своимѣ *Гиральдо* обиталѣ въ горестныхѣ надеждахѣ и въ мучительныхѣ мечтахѣ о прошедшихѣ дняхѣ своего щастія и знашности. — Извѣ древнихѣ лѣлѣ еще посѣ-

ялось семя злой ненависти между двумя знашными и родственными Фамиліями *Рино* и *Росвика* — оно преходило изъ груди ошца, въ грудь сына, и далѣе въ потомство; съ мщеніемъ смертельной ненависти преслѣдовали они другъ друга. Каждый искалъ погибели своего врага; но *Росвику* опредѣлено было судьбою торжествовать надъ своимъ прошивникомъ, и съ вышины славы низвергнушь его въ прахъ презрѣнія и ничтожества.

Исполненъ горестнаго опчаянія и безсильнаго бѣшенства, *Рино* принужденъ былъ укрышь ся въ безвѣстность, и подъ уединеніемъ въ бѣдной хижинѣ, скрышь свой стыдъ, но неуполимое мщеніе прошиву *Росвика*

послѣдовало за нимъ и въ его
 бѣдное уединеніе. — Онъ ви-
 дѣлъ, какъ ненавистный ему
 врагъ въ блескѣ щасія и полно-
 стѣ удовольствія наслаждался со-
 кровищами, копорыми щещно
 нѣкогда улаждались взоры его
 — съ каждыиъ днемъ возраста-
 ла его ненависть, бѣшенство,
 и ошчаяніе; непрешанно пруд-
 дился онъ надъ вымыслами про-
 извешъ въ дѣйство свое мще-
 ніе, и низвергнушь ненавиди-
 маго врага съ вышины его ща-
 ссія. — Онъ неусыпно старал-
 ся внушашъ сыну своему подо-
 бную ненависть къ *Росвику*,
 копорый сошвѣтствовалъ спа-
 раніямъ своего ошца, и вмѣстѣ
 съ душою мщенія и честолюбія,
 получилъ начало ко всѣмъ гну-
 снымъ порокамъ.

Тщешность замысловъ злобнаго *Рино* противу добраго *Росвика*, продолжавшаяся много лѣтъ, казалось, наконецъ дала почувствовать сему злодѣю гнусность его души, и злоба его, казалось, нѣсколько утихла. Спарость обнажила его голову. Нещасные случаи въ теченіи многихъ лѣтъ изнурили его тѣло, и лишили силъ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, и мысль, что онъ осматриваетъ своего сына въ бѣдности, безъ помощи, заставила его вспомнить всю важность родительской обязанности; онъ рѣшился скрыть на время свое мщеніе и ненависть, подъ маскою раскаянія съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, если удастся, лучше вос-

пользоваться случаемъ мщениа.

Не возможно было забыть гордому *Рино*, что предки *Росвика*, похищали у его предковъ; — не возможно было спокойно взиращь ему, какъ потомки ихъ спокойно наслаждались щаспиемъ на руинахъ его собственнаго, — какъ потомки сіи возвысились, и какъ Госвихъ еще сіялъ величіемъ и богатствомъ, на которое онъ, по мнѣнію его, имѣлъ неоспоримыя права. А между тѣмъ помился и спрадалъ — шяжко было для него бремя нищеты, но онъ перенесъ бы все безъ ропота, естлибъ могъ найшишь средство къ опмщенію своему злодѣю, и побѣдивъ *Росвика* низвергнушь съ вершины

его величія и наградить шаховымъ же жребіемъ, въ какомъ спрадалъ самъ. — Съ радостію пожертвовалъ бы онъ собою, есплибъ могъ однимъ дуновеніемъ истребить совершенно своего врага, и его потомство. — Но всѣ его покушенія были напрасны отъ могущества его непріятели, и опыты доказывалъ ему, что прямой дорогой мстительныхъ намѣреній недостигнешъ онъ никогда своей цѣли. — Одно средство оставалось ему, которое казалось, могло удовлетворить и насытить жажду его мщенія.

Долго колебался *Рино*, нерѣшаясь на это предпріятіе, которое шахъ тесно соединено было съ его собшвенностію,

но надежда, прежде смерти своей увидеть себя торжествующимъ, надъ смертнымъ врагомъ своимъ — вкушашъ удовольствіе, видя его низверженна съ почестей въ бездну опчаянія и бѣдствія, побѣдила чувства, съ которыми онъ долгое время сражался. — Онъ сокрылъ мщеніе и злобу свою подъ маскою прищворства, и подавъ сильному *Росвику* руку примиренія; раскаяніе, которое, казалось, чувствовалъ *Ричо*, истребило наконецъ всякое чувство мщенія, и прежней ненависти въ груди *Росвика* — Онъ съ радостію принялъ руку своего врага въ знакъ вѣчнаго ихъ мира, и взаимныя, торжественныя увѣренія подшвердили но-

вый ихъ союзъ. — Чѣмъ могу
 я загладить прошедшіе бѣд-
 спвія мною причиненные,
 чтобъ примирить себя съ тво-
 имъ непріязненнымъ жребіемъ?
 спросилъ *Росвикъ*. — Я самъ
 не пребую ничего, возразилъ
Рино. — Свѣтъ и люди давно
 уже мною забыты, одно уеди-
 неніе мнѣ драгоцѣнно: — ни
 за какое сокровище я не промѣ-
 няю его на шумную жизнь сре-
 ди большаго общества. — Для
 меня ничего не нужно, но излей
 великодушіе твое на моего сы-
 на, — на него обрати свое по-
 печеніе, и тѣмъ загладь часть
 бѣдспвій, происшедшихъ на
 насъ отъ твоего рода, да наши
 потомки соединяшя новыми,
 неразрывными узами дружбы,
 и послѣдній вздохъ мой благо-

словитъ добро, шобою совершенное!

„Онъ будетъ моимъ сыномъ — прервалъ *Росвикъ* — онъ съ обоими дѣтьми моими раздѣлитъ мои отеческія попеченіи; и если я найду его достойнымъ любви моей, то съ радостію удѣлю ему часть того блѣсна и величества, которое издревле возмущало спокойствіе предковъ нашихъ“!

Пламенное обѣщаніе ушвердило новый союзъ ихъ дружбы, и *Росвикъ* предался чувствамъ радости, нашедъ опять себѣ друга, пошерьвѣ не за долго предъ симъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей. *Росвикъ* радовался, что судьба наградила его имъ опять, и *Рино* долженствовавъ замѣнитъ ему бо-

лѣзненную потерю *Волдемара*, котораго отвергъ онъ отъ себя и теперь не навидѣлъ его столько же, сколько много любилъ его прежде. — *Волдемаръ* былъ другъ его юношества. — Оба они на одной сшезѣ славы образовали въ себѣ героевъ — дружба ихъ, казалось, не спрашила никакого разрыва клеветы; въ тысящи сраженіяхъ и поединкахъ были они неразлучные соупшники славы и образецъ рѣдкаго дружества. Много разъ *Волдемаръ* спасалъ своего друга въ кровавыхъ битвахъ, когда уже мечи непріетелей надъ нимъ сверкали и угрожали ему смерщю.

Но злобный духъ раздоровъ простеръ и надъ сими друзьями могущество своихъ подо-

зрѣній, кои достигли до высочайшей степени, и пламень ненависти возжигаемый непріятелями *Волдемара*, вспыхнулъ въ сердце *Росвика*. — *Волдемаръ* былъ оклеветанъ ему въ различныхъ преступленіяхъ, и обвиненъ въ злоумышленіяхъ противъ него, что и низвергло его съ блестящей степени въ низкое и бѣдственное состояніе.

Каждое чувство, говорившее прежде всегда въ пользу *Волдемара*, истребилось въ сердце *Росвика* происками мрачной клеветы; онъ признавалъ теперь въ нѣкогда бывшемъ своемъ другѣ непримиримаго злодѣя, не спящаго прощенія и пощады, и его мщеніе къ сему преступнику, казалось,

могло прекратиться только
св его жизнию.

Теперь *Росвикъ* простеръ
самъ мстительную руку помо-
щи врагамъ *Волдемаровымъ* къ
его гибели, и былъ первый
его преслѣдователь. — Неща-
стный *Волдемаръ*, обременен-
ный мщеніемъ враговъ — бѣд-
ный — оставленный — очер-
ненный именемъ преступника,
содѣлался бѣдственною жер-
твою своихъ непріятелей, и
одно скорое бѣгство спасло его
отъ позорной смерти; безъ
крова и пристанища бродилъ
онъ, укрываясь отъ гоненія сво-
ихъ злодѣевъ и убійцъ, употреб-
лявшихъ всѣ свои силы полу-
чить награду, обѣщанную за
голову несчастнаго.

IV.

Теперь, напоследокъ надѣлся Росвикъ предашься совершенно спокойствію семейственнаго щасшія. — Онъ рѣшился удалиться отъ пышной придворной жизни, и провести нѣсколько времени въ нѣдрахъ тихаго спокойствія, возлѣ любезной супруги и милыхъ дѣтей, и въ дружескомъ обхожденіи *Рино*, но жребій его опредѣлилъ ему другое.

Мрачные облака собирались, предвѣспники грозной бури — угрожавшіе ему разрушеніемъ всѣхъ его надеждъ. Долго наслаждалось отечество его спокойствіемъ мирнаго щасшія, какъ вдругъ новые военные обстоятельства его нарушили, и мно-

гочисленной непріятель на его границахъ угрожалъ ему раззореніемъ и гибелью; звуки военныхъ трубъ загремѣли собравъ героевъ подъ знамена опечесства для его спасенія и славы — и испоргли *Росвика* избобвшій, ему драгоцѣнныхъ, на кровавое полѣ бивъ — слава призывала шуда своихъ любимцевъ, — и онъ съ мужествомъ разспался съ милыми его душѣ; благословенія и слезы ихъ провождали его, когда онъ съ своими воинами оставилъ опеческіе поля.

Между предводителями сыновъ своего опечесства находилъ ся и храбрый *Бруно*, старинный другъ *Росвика*. Спеченіе опшопельствъ разлучило двухъ несравненныхъ друзей на нѣ-

сколько лѣтъ, но ни опдаленность, ни полетѣ времени не испребили въ ихъ сердцахъ искренняго дружества — Война соединила ихъ теперь, и подѣ шумомъ оружія дружба ихъ возобновилась снова сильнѣе и пламеннѣе прежняго.

Быстро — подобно спремленію шумной рѣки, наспунило войско героевъ на враговъ своего опечества; каждый день ознаменованъ былъ кровавыми сѣнами ужаснѣйшихъ битвъ, среди кошорыхъ друзья наши оиятъ должны были распашься.

Одно жаркое сраженіе, рещившееся въ пользу мужешвенныхъ защитниковъ опечества, доставило имъ на нѣсколько дней спокойствіе. — Непришель опщущилъ съ великимъ

урономъ и *Бруно* расположил-
ся съ малымъ числомъ своихъ
воиновъ въ долину, огражден-
ной рукою природы не при-
ступными утесами горъ и
лѣсомъ.

Прекраснѣйшій вечеръ спу-
стился на землю; его цѣли-
тельные испаренія наполняли
воздухъ ароматами душистыхъ
цвѣтовъ, и послѣднiе лучи за-
ходящаго солнца разсыпали зла-
то и пурпуры на вершины бле-
стящихъ гранитовъ; тихій,
вечернiй вѣтерокъ струилъ се-
ребряныя волны рѣки, орошаю-
щей долину; торжественная
пишина простерла всюду вла-
дычество свое и вся природа
погрузилась въ сладостную дре-
мешу.

Бруно почувствовалъ облегченіе въ своемъ сердцѣ и пріятную прохладу, оживляющую его грудь; онъ пошелъ по уединенной тропинкѣ, идущей между скалъ во внутрь горъ — и она привела его въ долину, гдѣ открылось взорамъ его ужасное опустошеніе, слѣды губительнаго пламени войны, и останки звѣрства непріятелей, въ развалинахъ и кучахъ сироей низверженныхъ, разрушенныхъ и истребленныхъ совершенно. Блѣдный свѣтъ препешущей луны изъ за сѣдыхъ облаковъ медлѣнно освѣщавшей долину, умножалъ ея ужасы; содрагавсь отъ страшныхъ предметовъ и хотѣлъ возвратиться назадъ, какъ вдругъ вечерній вѣтеръ

принесъ къ нему звуки голоса, произносящаго его имя; *Бруно*, ошановилъся въ изумленіи и — любопытные взоры его искали предмета — какъ вдругъ увидѣлъ онъ поднимающагося человека изъ подъ развалинъ огромнаго строенія, раздробленнаго мстительною рукою врага и идущаго ему встрѣчу медленными шагами; опасаясь нападенія непріятельскаго, *Бруно* обнажилъ свой мечъ, но предосторожность сія скоро сдѣлалась напрасною, когда онъ увидѣлъ препещущаго старца, коего видъ внушалъ почтеніе и довѣренность. Грубая, шерстяная одежда покрывала его шѣло — и бѣлая борода досягала пояса.

Согбенный, опираясь о по-

сохъ, приближился спарецъ въ *Бруно*, кошораго изумленіе умножилось, когда спарецъ подалъ ему дружески дрожащую свою руку — и сазалъ: „Привѣщшвую тебя, съ радосшію, благородный *Бруно*!

Ты знаешъ меня? спросилъ *Бруно* съ изумленіемъ, разсмащривая спарца жадными взорами и удивляясь чершамъ его лица. — Тебя? возразилъ спарецъ — я съ шихою радосшію вспрѣшилъ тебя здѣсь при первомъ шагѣ швомъ въ эту долину.

Бруно. (съ возрастающимъ удивленіемъ) Ты ожидалъ меня здѣсь? развъ тебѣ извѣсно было, что случай приведетъ меня сюда?

Старецъ. Случай ничто! Все происходитъ отъ непременныхъ законовъ высочайшей власти, которая и твои стопы сюда направила; много дней уже я тебя ожидаю здѣсь, въ сихъ развалинахъ, остаткахъ прежняго жилища радости; потому что приходъ твой былъ мнѣ извѣстенъ.

Бруно. Ты говоришь не понятно — кто могъ сказать тебѣ то, о чемъ я не зналъ самъ и чему одна нечаянность причиною.

Старецъ. Не нечаянность, но воля высочайшая, всемогущая, пославшая тебя сюда непременно — Книга вѣчныхъ судебъ открыта предъ моими взорами я въ тебѣ назначенъ избавитель — осшавленной, безо-

мощной невинности, въ его лицѣ я привѣщиваю тебя сердечно, и благословляю минушу, въ которую вступишь ты въ сію долину.

Бруно. Кто ты?

Старецъ. Я жительство здѣшнихъ горъ.

Бруно. И потребуешь моей помощи?

Старецъ. Не для себя — я нахожусь подъ защитою высочайшей власти, которая распространяетъ надо мною неизчешные свои благодѣянiя, и удостоиваетъ меня доверенностию, каковая еще никогда не была удѣломъ другихъ смертныхъ — мнѣ швоя помощь бесполезна, но взгляни шуда, въ эту сторону, тамъ увидишь ты безпомощную, оставленную, не-

винность, въ горести изливающую слезы, и проспирающую съ любовью свои руви въ шебѣ, ея избавителю и защитнику.

Бруно обратилъ взоръ свой въ ту сторону, и увидѣлъ прекраснаго мальчика, который дремалъ, покоясь на развалинахъ одной изъ башенъ. — Шарикъ подвелъ его ближе.

Кто этотъ мальчикъ? спросилъ *Бруно*.

Старецъ. Дитя несчастія; едва прошекли немногіе годы его жизни, какъ вдругъ содѣлался онъ бѣдственною жертвою злополучія, никогда языкъ его не произнесетъ сладостнаго имени — отца, никогда сердце его не почувствуетъ сладостныхъ объятий нѣжной матери, естли ты не награ-

дишь его симъ щасліемъ. —
 Для того що святая, высочай-
 шая воля, управляющая нами,
 налагаетъ на тебя исполнишь
 сію священную обязанность.

Бруно. Ты чрезвычайно меня
 удивляешь.

Старецъ. Судьба похишила
 у тебя сына и рана, нанесен-
 ная тебѣ его смертію, не ис-
 цѣлилась еще въ отеческомъ
 твоёмъ сердцѣ; но — бользнь
 ея преспанетъ. Здѣсь — въ
 семъ прекрасномъ твореніи воз-
 вращаетъ тебѣ божественная
 власнь твоего умершаго сына.
 — Прими его изъ рукъ моихъ!

Старикъ поднялъ мальчика
 съ камня и положилъ на руки
 къ Бруно. Радостно улыбались
 взоры и уста младенца встрѣ-
 чу доброму *Бруно*, и маленькія

нѣжныя руки его обвились съ горячностію вокругъ шеи рыцаря.

Больше, нежели всѣ выраженія земныхъ языковъ должны говорить швоему сердцу, сія улыбка, обвяшія и любовь сироты — возразилъ старецъ — и благородный *Бруно* не зашворитъ слуха своего къ гласу невинности, просящему его помощи; и копорый чрезъ меня съ полною довѣренностію прибѣгаетъ къ нему!

Бруно. Нѣтъ! — *Бруно* не отринетъ его! — но извясни мнѣ, кто возложилъ на себя попеченіе объ этомъ мальчикѣ, и кто привелъ его къ тебѣ сюда, въ эту пустыню?

Старецъ. Превѣчныя власти судебъ положили жребій младенца сего на мою душу.

Бруно. Кто его родители?

Старецъ. Нещасный! не имѣешь родителей, — ты наградишь потерю ихъ.

Бруно. Какъ зовутъ его?

Старецъ. Съ потерей его родителей исчезло и настоящее его имя. — *Отмаръ*, было имя своего любезнаго сына, коего смерть тебя лишила, дай это имя и впорому твоему сыну, и тѣмъ болѣе будетъ онъ драгоцененъ душѣ твоей.

Бруно. Но я долженъ знать, кому принадлежалъ сей младенецъ, и если ближайшіе обстоятельства его жизни тебѣ извѣстны, не скрывай ихъ отъ меня.

Старецъ. Непроницаемый нравъ шайнствениности, покрываетъ его происхождение, воля судьбы заграждаетъ уста мои.

Бруно. Чудесная загадка!

Старецъ. Будущность рѣшитъ ее нѣкогда, младенецъ будетъ юношею, и тогда нравъ исчезнетъ. — До того времени, клянись мнѣ торжественно, — никому, кто бы то ни было, не открывать шайны, какъ это дѣла доспало въ твои руки — всѣ — и даже самый *Отмаръ* не должны сомнѣваться въ истинѣ, что онъ твой сынъ.

Бруно. Для чего же это?

Старецъ. Такъ угодно судьбѣ! — только подъ симъ единственнымъ, непремѣннымъ условіемъ, могу я вручить тебѣ его.

Бруно. А еспьли я не соглашусь это исполнить?

Старецъ. Тогда рѣшишь ты судьбу его, и отъ себя потребуешь небеса опчеша за невинно пролитую его кровь — (онъ вырываетъ съ дикостію мальтика изъ рукъ Бруно и вынимаетъ кинжалъ) Смертноносная сталь уже изощрена пронзить его сердце и изшоргнушь его изъ бѣдсвій и горестныхъ мученій въ будущихъ дняхъ его жизни!

Бруно. Праведный Боже! ты не будешь столь безчеловѣченъ, чшобы умертвить младенца — (хващаетъ Опмара.)

Старецъ. (отпалкиваетъ руку Бруно) Я долженъ это исполнить!

Бруно. (св удивленіемъ) Что это — кто низпосылаетъ руку сарца столь ужасную силу? — одно прикосновеніе ея обезсиливаетъ меня.

Старецъ. (Св ужасною холодностію) скажи рѣшительно свое намѣреніе! — жизнь и смерть его зависятъ отъ своего слова.

Бруно. Какой еще выборъ остаешься? мнѣ — ошдай мнѣ дия — О пы, непоспимый! клянусь тебѣ поржесшвенно въ вѣчномъ молчаніи, — небесное мщеніе да поразитъ меня, — естли я когда либо нарушу мое обѣщаніе!

Старецъ. (Тронутый св чувствомъ) И такъ я не напрасно, радостно ожидалъ сію драгоценную минушу; — возми его —

благородный Бруно! возми сына моей любви, торжественно уступаю я мои отеческіе права, дарованные мнѣ надъ нимъ небесами, тебѣ; будь ему отецъ! защитникъ и другъ!— Онъ воздастъ тебѣ за любовь свою, нѣкогда, будучи совершеннымъ юношей, его сыновняя нѣжность, украсишь вечеръ дней своихъ радостию и счастьемъ! (онъ цѣлуетъ съ горячностью *Отмара* и владетъ его на руки *Бруно*) Проси отецъ моего *Отмара*, и будь благополученъ!

Бруно. Не удаляйся отъ меня такъ скоро.

Старецъ. Чего ты отъ меня еще пребуешь?

Бруно. Твое пламенное, не обыкновенное участіе, которое

берешь ты въ судьбѣ *Отмара*, для меня сомнительно; позволи мнѣ короче узнать тебя.

Старецъ. Мое знакомство тебѣ не можетъ быть полезно, я не принадлежу болѣе живымъ.

Бруно. Чудно — не ужели я нашелъ тебя для того, чтобъ послѣ никогда не видашь болѣе!

Старецъ. Нашъ долгъ исполненъ.

Бруно. И такъ я долженъ быть въ вѣчной неизвѣстности о участи *Отмара*, долженъ спрашиваться всегда, что придетъ настоящій обладатель, и похититъ отъ меня обратно свое сокровище.

Старецъ. Отъ этой заботы я могу тебя освободить; возьми эту половину преломленного кольца — тому только, кто

доставитъ тебѣ другую половину его, можешь ты вѣришь, одинъ онъ можетъ тебѣ извѣстнѣе истинну *Отмарова* рожденія и никакъ не похитилъ его изъ обѣщаній твоихъ. Прости! — Спарецъ отступилъ отъ *Бруно* и исчезъ въ развалинахъ.

Хладно вѣялъ вѣтръ съ сѣвера въ мшистыхъ скалахъ — дрожащъ отъ стужи прижимался юный *Оттаръ* къ груди *Бруно*, онъ одѣлъ его плащемъ своимъ — и спѣшилъ въ лагерь. На другое утро, ввѣрилъ *Бруно* *Отмара*; попеченіямъ одной доброй крестьянкѣ до шѣхъ поръ; покуда шумъ военный ушихнешъ, тогда взявши его съ собою намѣренъ онъ былъ возвращишься съ нимъ въ жилище свое. — Долго времени свирѣпствовало ужасное пламя войны, и тысячи храбрыхъ сыновъ отечества, содѣлались жертвою алчной смерти; но наконецъ мирный геній низлѣтелъ на кровавые поля, и бивны уших-

ли — грозные звуки трубъ военныхъ превратились въ громкіе и торжественные восклицанія радости, воины опечесства спеклись въ шріумфѣ подъ знамена его, съ своими героями и предводителями; чшобѣ проспишься въ послѣдній разѣ съ полями опустошенными, на которыхъ лилась кровь ихъ — и возвратишься въ мирные свои селенія.

Радостно спѣшилъ *Бруно*, съ своимъ юнымъ *Отмаромъ* встрѣчу своему другу *Росвику*; и съ удовольствіемъ слушалъ приглашенія его, избравъ жилище себѣ впрѣдъ возлѣ его владѣній. *Росвикъ* приутошилъ все нужное для сего; и испросивъ у Монарха, съ радостію предложилъ своему другу *Бруно*; за великія

заслуги его отечеству, замокъ скрывающагося *Волдемира* въ вѣчное владѣніе.

Увѣнчанные побѣдоносными лаврами, и новою блистательностію славы; вступили воины въ нѣдро своего отечества, въ объятіяхъ любви и дружбы, насладились сладостными плодами мира.

Съ пламеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ *Росвикъ* той минуты, въ которую наградитъ его любовь супруги и нѣжность любезныхъ дѣшей; за всѣ перенесенные имъ шруды и безпокойства; исполненъ сей лестной надежды, лѣтелъ онъ къ своему замку — нѣжная его любовь придавала ему крылья — быспро проскакалъ онъ лѣсѣ, ограничивавшій его отеческіе

поля, но мрачные предчувствія возбудились въ душѣ его, когда онъ достигъ своего замка; и взоры его щещно искали предметовъ, милыхъ его сердцу; его предчувствіе скоро превратилось въ горестную истину, когда онъ пробѣжавъ узкую горную пропину, встрѣтилъ подданныхъ своихъ со слезами идущихъ къ нему встрѣчу. — Яснѣ всякаго краснорѣчія объяснили взоры ихъ мрачное несчастіе. — Исполненъ ужаса спѣшилъ онъ къ супругѣ своей.

Порокъ дьявольской злобы исполнилъ свое намѣреніе, и превратилъ замокъ *Росвиковъ* въ жилище горести и опчаянія. — Злодѣи пользуясь его отсудствіемъ похитили любимца души его — маленькаго *Эдгарда*, посланные

рабы принесли опчаянной матери одну одежду ея сына, рашерзанную и окровавленную — ясный знакъ совершеннаго убійства. Опчаяніе и горестъ низвергла нѣжную мать на одръ смертный, и *Росвикъ* прїѣхалъ, чтобъ умирающей супругѣ закрыть глаза для вѣчнаго, безпробуднаго сна, и принять послѣдній поцѣлуй любви, послѣдній вздохъ съ мертвѣющихъ ея устъ.

„Кто совершилъ надо мною злодѣяніе сіе? воскликнулъ *Росвикъ* въ болѣзненномъ опчаяніи. — И одинъ изъ слугъ подалъ ему бумагу, найденную имъ въ лѣсу, вмѣстѣ съ окровавленнымъ плащемъ *Эдгарда*. Съ жаромъ схватилъ онъ пись-

мо, и горестъ его превратилась въ бѣшенство, когда онъ прочелъ слѣдующее: „такъ, мстишь несчастный *Волдемаръ* своему врагу и злодѣю!“ —

Ни какое перо не опишетъ отчаяніе, свирѣпствовавшее въ сердцѣ *Роввика*, и болѣзнь души, которая, казалось, совершенно умертвитъ его. — *Рино* соединился съ *Бруномъ* для утѣшенія несчастнаго страдальца въ мрачномъ его уныніи., — „Успокойся, несчастный другъ! и найди въ обѣщаніяхъ дружбы изцѣленіе твоихъ горестей, и сладостное утѣшеніе.,, Такъ говорилъ *Рино* — ты потерялъ милаго сына — я отдаю тебѣ моего *Гиральда*; въ немъ найдешь ты оцншь по-

шерянаго — его любовь наградишь тебя твою утрашу.— Торжественно отказываюсь я отъ моихъ правъ родительскихъ, и оставляю его тебе для утѣшенія.

Росвикъ принималъ сія утѣшенія участвующей дружбы въ сердцѣ свое. На груди Бруно оплакивалъ онъ свою потерю и чувствовалъ облегченіе горести, которой не могъ истребить совершенно. Скорбь его превратилась въ томную задумчивость — каждый предметъ, каждый взоръ на его дочь, лишенную матери, напоминалъ ему великость ненаградимой ничемъ потери. Часто уединялся онъ тайно

на гробъ своей незабвенной супруги, — и минушы, кошырыя посвящаль онъ милой пѣни ея, и драгоцѣннаго сердцу его Эдгарда, были для него пріятнѣйшими, щаспливѣйшими минушами.

Рино оставилъ совершенно сына своего *Росвику*; съ радостію принялъ сей много общавшаго ему *Гиральда*, чшобъ воспишашъ его какъ вшораго своего сына, и чшобъ въ послѣдствіи видѣшъ въ немъ награжденную пошерю своего Эдгарда. — *Минона*, *Гиральдо*, и *Отмаръ*, возрасшяи вмѣстѣ какъ родные — близкое соединеніе владѣній не препяшшвовало доброму *Бруно* бышъ безпрешанно возлѣ друга

своего, и раздѣляшь съ нимъ всѣ его радости и скорби.

Бруно исполнилъ данное имъ обѣщаніе старцу съ величайшею почтоспшю; — ни одинъ чело-вѣкъ не зналъ, чшобъ *Отмаръ* былъ пріемышъ, а неродной сынъ почтеннаго *Бруно*; онъ ввелъ его подъ симъ именемъ и въ замокъ друга своего *Росвика*, бышъ товарищемъ дѣшей его.

Трое дѣшей, казалось, были одинакихъ лѣтъ, но не одинакихъ характеровъ.

Отмаръ еще рано показалъ знаки крошнаго, чувспвишельнаго сердца, которое совершенно согласовалось съ чувствами нѣжной *Мионны*; и было видно, въ отношеніи его къ *Гиральду*, кошораго характеръ

казался бышь измѣнчивъ и скры-
шенъ.

Дѣши возрастали — и люб-
ви достойные качества *Отма-
ра* давали ему преимущество
въ сердцѣ *Росвика* предъ *Ги-
ральдо иъ*. — *Отмаръ* былъ люби-
мецъ *Росвика* и *Бруно*, за что сей
последній благословлялъ мину-
шу, даровавшую ему драгоцен-
наго сына, его радость и на-
дежду.

Не взирая на различный
образъ мыслей и характеровъ
— дѣши въ юныхъ лѣтахъ
своихъ жили согласно и обхо-
дились другъ съ другомъ съ
полною довѣренностію, какъ
братья. — Часто, *Бруно* и
Росвикъ въ окрестныхъ доли-
нахъ замка, при мерцающемъ
сіяніи зари вечерней, восхи-

щались играми и невинными забавами своихъ любимцевъ — но часто возобновлялась горестъ *Росвика*, когда взоры его останавливались на бодромъ *Отмарѣ*, воспоминаніе о незабвенномъ *Эдгарѣ* шягопило душу его съ удовольствіемъ примѣчали нѣжные родители, *Бруно* и *Росвикъ*, крошкіе чувства соединявшіе *Минону* и *Ошмара*, какъ они всегда желали бытъ вмѣстѣ, и — одинъ безъ другаго не находилъ удовольствія въ любимыхъ забавахъ своихъ. Когда *Отмаръ* и *Гиральдо* соединялись съ другими дѣтьми въ долину, при подошвѣ скалъ, окружавшихъ замокъ *Росвика*, то первой умѣлъ всегда приводить такъ, что *Минона* имѣла участіе въ ихъ играхъ.

Отмаръ установлялъ по примѣру древнихъ ристалищъ бѣговую цѣль, и побѣдитель получалъ награду изъ рукъ *Миной*, розовый вѣнокъ, ею слаженный, — потомъ занимались они прыганьемъ, и другими упражненіями, укрѣпляющими шло, и все эшо неукрывалось отъ примѣчательныхъ взоровъ родителей — сколь много напрягалъ *Отмаръ* силы свои получишь похвалу *Миной* и награду, опредѣленную его побѣдителю, изъ рукъ ея! — Иногда гонялись они въ долину за пестрыми бабочками — или вапались по озеру на легкой шлюбкѣ, копорую правила *Минона*. Короче при всякой игрѣ долженствовала бытъ *Минона*, и ка-

ждый день примѣшно возра-
спали чувства шайнспвенной
симпатіи въ ихъ юныхъ серд-
цахъ.

Короткое обхожденіе дѣшей
имѣло для нихъ многія значи-
пельныя выгоды — съ одной
стороны выигрывала *Миона*
въ участіи съ *Отмаромъ* без-
престанное движеніе и укрѣп-
леніе тѣла и здоровья — съ
другой стороны *Отмаръ* въ об-
хожденіи съ *Мионою* — полу-
чалъ нѣжнѣйшіе чувства, и всѣ
его дѣйствія имѣли видъ при-
влекающей пріятности; всѣ
его силы и мужество не полу-
чали дикаго, необузданнаго ог-
ня, пылающаго въ сердцахъ бол-
шей части героев. — *Миона*
умѣла всегда мѣшашь въ дѣш-

скія игры ихъ чувство сроднаго ей благородства и любезной крошоси, и давалъ имъ такой видъ, чтобъ они не нарушали должной благоприспосойности къ женщинѣ. — Похвала Миноны восхищала *Отмара* болѣе, нежели всѣ похвалы его поварихей; онъ старался предупреждашь все, что могло ей быть непріятно — и различными удовольствіями, для ней имъ изобрѣшенными, старался онъ ей нравиться, и каждый день получалъ новую благодарность и новую любовь отъ милой Миноны.

Совсѣмъ прошивные впечатлѣнія имѣли сіи игры и забавы дѣшства на *Гиральдо*; онъ чувствовалъ преимущество, кото-

рое прекрасный и любезный *Отмаръ* имѣлъ предъ нимъ; — видѣлъ шу любовь, которую и опецъ и *Минона* въ нему имѣли, — и чувство злои ненависти поселилось въ груди его къ *Отмару*. — Часно уходилъ *Гиральдо*, исполненной злобы и горькой досады въ своему опцу, который весьма рѣдко оставялъ свое уединеніе. — Тамъ мечшалъ онъ о средсплахъ, и приносилъ пламенные жалобы на презрѣніе, оказываемое ему въ домъ воспитателя его. — *Рино* совѣтовалъ ему имѣшь швердосшь и спокойствіе, но онъ дѣлалъ это не для испребленія порочныхъ чувствъ изъ сердца своего сына и для возбужденія въ немъ благороднѣй-

шихъ, но показывалъ ясно свою злобу прошивъ *Росвика* и ненавись къ *Отмару*.

„Теперь прошли лѣта твоего дѣшства, — сказалъ онъ однажды *Гиральду* — и ты достигъ уже тѣхъ лѣтъ, въ которые могу я надѣяться открыть тебѣ вещи, коихъ таинство до сего времени лежало сокрыто въ глубинѣ души моей; и на которые я до сихъ поръ только изрѣдка обращалъ твое вниманіе „

Гиральдо. Башюшка! вы возбуждаете все любопытство мое.

Рино. Слушай со всею примѣчательностію, что я буду говорить тебѣ, но сокрой каждое слово мое въ твоемъ сердцѣ; да ничто не будетъ

извѣстно въ свѣтѣ, и ничто не извлечетъ изъ сердца твоего ни одного изъ словъ моихъ.

Гиральдо. Клянусь вамъ въ вѣчномъ молчаніи.

Рино. Такъ знай, сынъ мой! что сей *Росвикъ*, которому я отдалъ тебя вмѣсто сына, есть врагъ мой непримиримый, смертельный, и прежде вода соединится съ огнемъ, нежели я испреблю мою ненависть противъ него изъ моего сердца. — Съ давнихъ лѣтъ предки наши гнали другъ друга, и родъ сего изверга былъ разрушителемъ нашего щастія и величія. — Блескъ и власть, которою онъ гордится теперь, похищена у насъ; да и самый замокъ, гдѣ

живетъ онъ, съ окружными владѣніями принадлежитъ намъ. И мое пламенное желаніе есть одно, чѣтобъ лишиль злодѣя похищеннаго имъ у насъ; и низвергнушь его опяшь съ высоты почеспей! Я съ радостію бы опдалъ оспальныя дни моей жизни, еспли бы могъ видѣшь злодѣя падшаго, уничпоженнаго прежде послѣдняго моего шага во гробъ. Видѣшь — и насладишья сладостнымъ ушѣшеніемъ удовлетвореннаго мщенія; а шебя вознесъ на высоту, его посреди щасія и богатства, имъ похищенныхъ! — но надежда сія щечина.

Гиральдо. Я жалѣю о васъ, бапюшка!

Рино. Жалѣй о самомъ себѣ,

сынъ мой! что ты происходя отъ благороднаго колѣна, рожденный обладашь великимъ имѣніемъ, зависишь отъ милошей разбойника, похипившаго наше величіе, и повергшаго насъ въ прахъ нищеты и ничтожества — долженъ повиноваться и угождать, вмѣсто того, чтобъ бышь свободну и повелѣвать!

Гиральдо. Оставьте времени — родитель мой! я не всегда буду юноша, нѣкогда мужество будетъ и моимъ удѣломъ. — Тогда я буду защищать мои права, и отмщать за нихъ!

Рино. Такъ — сынъ мой! ты долженъ бышь шаковымъ! — одна надежда сія подкрѣпляла мое спраждущее сердце, я посѣявалъ еще въ младенческое

сердце швое сѣмя праведнаго мщенія мѡего, и ненависть къ злодѣю нашему; и нашелъ дорогу тебѣ, по которой свободно достигнешь ты исполненія предиріаній нашихъ, и копорая для тебѣ естѣ еще шайна.

Гиральдо. Или довѣренность ваца ко мнѣ еще такъ мала, что я не могу узнатьъ всего совершенно!

Рино. Оно для тебѣ еще не нужно. Вся надежда будущаго твоего щастія основана на эшой шайнѣ, которую я шенерь еще отъ тебѣ сокрою: но не думай много объ этомъ; она не всегда останешся для тебѣ шайною.

Гиральдо. Смерть можешъ посшичь васъ внезапно и тогда?

Рино. Тогда, найдешь ты ключъ къ ней въ этомъ стеномъ шкафѣ; — но довольно о семъ, я имѣю много еще говорить съ тобою.

Гиральдо. Ни одно слово ваше не пройдетъ напрасно — говорите.

Рино. Тяжко обременила меня рука злобой судьбы, — ^{но}чтобъ я могъ опважиться, возникнувъ изъ глубины моего праха, объявить явно вражду мою противъ могущественнаго *Росвика*. — Чтобы потушить пламенную жажду мщенія, свирѣпствовавшую въ груди моей; моя власнь была уничтожена — рука моя не могла до него достигнуть, и я долженъ былъ искать другой путь, коимъ бы могъ достигнуть моей цѣли —

долго сражался я съ самимъ собою — мои чувства прошивились намѣреніямъ, но попеченіе о тебѣ, и надежда, что нѣкогда ты исполнишь то, что уже я произвестъ былъ не въ силахъ, побѣдили прошивящіеся во мнѣ чувства, и я принудилъ себя къ пришествію — сокрылъ мою ненависть подъ видомъ раскаянія — пошелъ встрѣчу *Росвигу*, подалъ ему руку въ знакъ мира и предложилъ мою дружбу. Почувствуй, сколь много стоило мнѣ преодолѣть самого себя, чтобы сдѣлать этотъ шагъ, но щастливое исполненіе моихъ намѣреній успокоило мою душу. — *Росвигъ* обманулся, и взошелъ въ сѣшь, мною ему разставленную — ни одного изъ тѣхъ воспоминаній, которыми

исполнено было его сердце, не осталось въ немъ, и гордость, видѣвъ жесточайшаго врага своего, съ раскаяніемъ прибѣгшаго къ нему, ослабила его совершенно.

Гиральдо. Я удивляюсь вашему разуму, бабюшка! и шерифливой скрытности!

Рино. Необходимость меня къ тому принудила, — но слушай далѣе: *Росвикъ* предложилъ мнѣ дружескіе общанія своей помощи: но они были бесполезны. Для меня не возможно, чтобъ я принялъ отъ злодѣя въ благодареніе то, на что я имѣю неоспоримое право. — Смерть его сына и жены открыли мнѣ совершенно давно желанный путь, и горестъ

Росвика о сей двойной потерѣ наполнили сердце мое пайнымъ удовольствіемъ, заставившимъ забыть себя и мои собственныя нещасія. — Величайшее препятствіе, которое затрудняло меня въ удачныхъ исполненіяхъ предпріяшій, исчезло — Эдгардъ пропалъ навсегда, и память его должна была тобою изгребиться въ сердце отца его; чшобъ ушвердить себя въ принадлежащихъ тебѣ правахъ, и помочь тебѣ ихъ достигнуть, я вручилъ тебя ненавистному врагу моему вмѣсто сына; и онъ принялъ тебя съ радостію. Ты вступилъ въ права его сына, и снеся къ щастію тебѣ открыта; ешъли ты будешь имѣшь довольно благоразумія и мужества довершишь то, чшо

я началъ для себя столь удачно.

Гиральдо. Ваши опеческіе совѣты помогутъ мнѣ.

Рино. Теперь я вижу новые препяшствія въ любимцѣ его Отмарѣ. — Давно уже примѣтилъ я преимущество, которое Росвикъ отдавалъ ему всегда предъ собою, и слѣдствія, которые отъ того произойти могутъ, можешь ты избѣжать чрезъ разумное только оныхъ отраженіе. — И такъ я прошу тебя быть осторожнымъ и благоразумнымъ все основано на этомъ — старайся проникнуть въ сердце *Мионы*, и изгнать изъ него *Отмара*. Я назначилъ тебѣ *Миону*, и она должна быть своею, чтобъ нѣкогда возобновить блескъ и

честь своего рода. — Св опаснымъ прошивникомъ долженъ сражаться ты въ *Отмарѣ* — его интересная наружность, его крошкое, пріятное обхожденіе, дружба отца его съ *Росвикомъ*, дали ему первое мѣсто въ сердцѣ *Мионы* и отца ея; чрезъ одно искусное притворство можешь ты шолько опдалить его отъ нихъ. — Я знаю, что *Отмарѣ* никогда не былъ твоимъ другомъ, что ты не видишь его: но собственныя твои выгоды пребываютъ, чшобъ ты скрыва отъ него свои чувства, подъ видомъ искренней дружбы.

Гиральдо. Это будешь мнѣ стоить великихъ трудовъ и принужденія — я сомнѣваюсь даже, чшобъ я могъ льстить *Отмару* моею дружбою, помо-

му что ненависть моя къ нему чрезвычайна.

Рино. Но нужно необходимо, чтобы ты принудилъ себя съ этой стороны сколько возможно. — Въ будущей жизни твоей опытъ тебя научитъ, что прямой дорогой истинны, не далеко можно дойти въ жизни; что песнопа и всѣ ея препяшсвiя замедляютъ шаги наши и рѣдко допускаютъ насъ достигнуть къ цѣли нашихъ желанiй. Я испыталъ эту горестную истинну: но уже поздно; испыталъ, когда мое спокойствiе и щасiе было пошеряно. — Поступай ты впредь разумнѣе твоего отца, и ты избѣгнешь многихъ опасностей и неудовольствiй. — благоразумный пренебрегаетъ

прямую и справедливую дорогу, но избираешь пошоронную, по которой онъ и надежнѣе и спокойнѣе доспигаешь желаемой имъ цѣли; научайся въ послѣдствіи великой наукѣ скрывать отъ всѣхъ людей свои чувства; будь шѣмъ, что ты есть, только для одного себя, и кажись другимъ шѣмъ, кого они видѣшь въ тебѣ жаляущъ. — Ты имѣешь важныя причины ненавидѣшь *Отмара*. Онъ первая преграда въ достиженіи швоемъ на верхъ швоихъ желаній, но никогда не можешь ты истребишь его прямой дорогой мщенія; принудь себя бышь пришворнымъ прошивъ его; покажи искреннѣйшее дружество — и онъ съ довѣренностію послѣ-

дуетъ за тобою — и самъ дастъ оружіе тебѣ къ своей гибели.

Гиральдо. Я послѣдую вашимъ наставленіямъ и исполню ихъ въ точности. — Я принужу себя и покажусь *Росвигу* и *Отмару* шѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ и не могу быть. Несчастіе ваше придастъ мнѣ новыя силы, и все мое стараніе употреблено будетъ; насытитъ мщеніе наше, и сокрушитъ всѣхъ — *Росвика* и *Отмара*!

Рино. Такъ — сынъ мой! Пребудь всегда одинаковъ въ сихъ чувствахъ, и ты будешь мужественъ и славенъ, и возобновишь блескъ и величіе упавшаго своего рода — Я вижу вдали будущаго новую, восходя-

щую зарю нашего величія — и мой сынъ воспановитъ эпи дни торжественной радости, которая усладишь нѣкогда послѣднія минушы жизни моей.

Рино заключилъ въ объятія своего сына, какъ вдругъ раздался громовый голосъ въ хижины. Онъ произнесъ при разѣ: *горе вамъ!* — и возбудилъ съ пренепомъ стараго *Рино* изъ объятій Гиральдо. — Дрожащъ бросился *Рино* ко входу хижины, и смутными взорами окинулъ окрестности ея: но нигдѣ не видно было и слѣдовъ человеческихъ. „Что это было?“ спрашивалъ Гиральдо съ ужасомъ.

„Не вливайся этому,“ возразилъ *Рино*, спараясь скрышь

свое замѣшательство, какой-то скрытной и неизвѣстный злодѣй окружаетъ меня съ нѣкошораго времени, и ищетъ чрезъ различные привидѣнiя свои устрашить меня: но я не успокоюсь до тѣхъ поръ, покуда не опыщу и не открою его жилища.

„Мнѣ страшно, сказалъ *Гиральдо*; я слыхалъ различные ужасы и чудеса о злобныхъ духахъ, обитающихъ въ сихъ скалахъ горъ.“

„Не опасайся, прервалъ его отецъ; я не обладаю богатствами и сокровищами, которые могутъ быть лестны для этой сволочи, такъ же и не отдаленъ я столько отъ моихъ сосѣдей,

чтобъ при нуждѣ не могъ просить ихъ помощи спунай благополучно домой къ *Росвику*, повуда ошсудствіе швое не возбудило шамъ подозрѣнія.

Конецъ Первой Книжки.

У Л Л О

ГОРНЫЙ БАРДЪ.

Книжка Вторая.

Когда смѣшся ты — Сирена ;
Когда ты плачешь — крокодилъ.
Когда молчишь — тогда геенна
Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ!

Д. . . . нб.

Вечерняя роса падала на землю,
и лучи заходящаго солнца, мель-
кали сквозь изумрудной зелени
вѣшней древесныхъ, какъ Ги-
ральдо оставилъ отца своего.
И скорыми шагами проходилъ
чрезъ долины — вдругъ услы-
шалъ онъ свое имя, оглянулся, и
увидѣлъ какого-то крестья-
нина, кошорый звалъ его.

„Кто ты? и чего отъ меня требуешь? Отецъ твой, послалъ проводишь тебя чрезъ гору, освѣчалъ незнакомый: дороги здѣсь шеперь весьма ненадежны, и легко можешь повстрѣчаться съ шобою, что - нибудь непріятное.

Незнакомый началъ съ нимъ разговоръ о привидѣніяхъ, и горныхъ ужасахъ, и *Гиральдо* наконецъ, съ шрепетомъ замѣшилъ; что проводникъ завелъ его, совсѣмъ на другую дорогу, въ глубину горныхъ долинъ.

„Куда ведешь ты меня? спросилъ *Гиральдо* съ ужасомъ; — это совсѣмъ не та дорога, которая ведешь къ замку *Росвика!*“

„Теперь мы на мѣстѣ,“ возразилъ незнакомый дикимъ тономъ и съ блистающими взорами. —

„Праведный боже! возопилъ опчаянный *Тиральдо*—въ какія руки приведенъ я побою, или ты хочешь умерш.ишь меня?“

„Ты доведешь меня до сего, еспли не будешь опкровененъ, опвѣчалъ незнакомый. Ты былъ у швоего опца, — его злобные намѣренія мнѣ извѣсны; я знаю, что онъ хочетъ завлечь и тебя въ свои проклятые умыслы — признайся, что онъ опкрылъ тебѣ?“

Тиральдо (дрожа). Онъ не опкрылъ мнѣ ничего, чегобъя не могъ опкрыть; его рѣчи касались меня и опношенія моего съ *Росвиколъ*, моимъ благодѣшелемъ, чшобъ заслуживашъ болѣе любовь его.

Незнакомецъ. И ничего больше? (угрожающимъ голосомъ)

препещи мщенія ; естли ты меня обманываешь ! не открывали онъ тебѣ тайны , которая имѣетъ вліяніе на Росвика ? Признайся ! — или смерть тебѣ ?

Гиральдо. Пожалѣй мою юность ; я ничего не знаю — отецъ мой упоминалъ о тайнствахъ ; но ихъ не открылъ , онъ мнѣ говорилъ , что будущность ихъ откроешь — и увѣрялъ меня , что вещи такого рода для меня не нужны : — я въ твоей власти — ты можешь умертвить меня — но клянусь тебѣ ! что ты умертвишь невиннаго , и въ послѣднія минуты дыханія моего , не могу я тебѣ сказать ничего больше .

Незнакомецъ. Несчастный ! я знаю , что ты сколькоже зло-

бенѣ, сколько и швой отецѣ,— я знаю; что швое сердце занято подлыми умыслами прошиву твоего благодѣтеля: — и швой отецѣ спарается преврашшь искру ненависти къ нему въ груди швоей, въ сильный пламень: но горе тебѣ и ему! ешли ты дерзнешь хотя малѣйшее что-нибудь предпріяшь прошивъ *Росвика*! — Ты имѣешь во мнѣ неушомимаго, строгаго наблюдашеля и ужаснѣйшаго мстишеля, невидимо съ тобою присудешвующаго — препещи моего гнѣва, ешли опважишся рука швая вознестись прошиву *Росвика*. — Кинжалѣ уже почти изшоргнушѣ, долженешвующій поразитъ швое сердце — но еще часѣ мщенія не наступилѣ, и это

шебѣ будетѣ въ предоспорож-
носѣ,—шечерь спунай, и спа-
райся исправитѣ себя, еспѣли
еще способенѣ ты къ исправле-
нiю.

Незнакомецѣ вывелѣ *Гираль-
да* узкой пропикой изѣ уше-
совѣ на большую дорогу, съ
которой увидѣлъ онѣ вдали вер-
шины башенѣ замка *Росеика*.—
Послѣднiя лучи солнца угасали
на ихѣ блестящихѣ шпичахѣ:—
съ препеномѣ оглянулся онѣ на
своего пушеводишеля — но онѣ
уже изчезѣ, и *Гиральдо* бро-
сился по дорогѣ къ своему жи-
лищу.

Блѣденѣ и препенуцѣ при-
шелѣ онѣ въ замокѣ — съ ужа-
сомѣ встрѣшила его *Мичона* и
ошечѣ ея, и осыпали его воп-
росами о его препенѣ; онѣ из-

бавился ложными выдумками ошв ихв любопытства, разсказавъ, что въ горахъ онв прешерпѣлъ жесточайшіе нападенія ошв обитающихъ въ нихъ привидѣній; — однако же приключеніе сіе споль сильное на него имѣло дѣйствіе, что нѣсколько дней онв не смѣлъ выходить изъ замка; и безпрестанно св прешепомъ озирался, и св ужасомъ воображая невидимаго мшшшеля.

Время наконецъ истребило и это впечатлѣніе въ его сердцѣ, и св новымъ жаромъ принялся *Гиральдо*, слѣдовашь совѣшамъ и предписаніямъ ошца своего, и играшь свою ролю, прошивъ *Росвика* и *Отмара*.

Микона достигла уже шѣхъ лѣшв, въ которыя ея прелесши

разцвѣшали въ полномъ блескѣ юности; она была прелестна, какъ пробуждающееся весеннее утро; невинность и чистосердечіе сіяли въ ея небесныхъ взорахъ, и проливали очаровательность на природную ея красоту; непроизвольно привлекавшую къ ней всякаго, кто ее виделъ.—Она была радостію отца своего, поставлявшаго въ ней все свое щасіе, и удивленіемъ всѣхъ, кто ее зналъ.

Пламенно бились сердца юношей въ ея присутствіи — и со всѣхъ сторонъ окружали ее страстные обожатели, которые искали руки ея—но сердце было уже занято. И Опмаръ былъ томъ щасливецъ, котораго она любила—и коему принадлежала. *Минона* любила *Отмара*

всею душею, *Отмаръ* дышалъ одною *Миноюю*; ея любовь для него была драгоцѣннѣйшимъ щасіемъ, нѣжная привязанность не была пою спремительно воспламеняющеюся спрасію, но дѣйствіемъ брашской любви. И надежно ушвердила коропкое обхожденіе, и сходство чувствъ и мыслей — спрась, кошорую наконецъ цѣль многихъ лѣтъ усовершенствовала. —

Едва ли когда бывали два сердца, соединенные подобною спрасію — одни мечшы — одни надежды пишали ихъ. —

Съ внутреннимъ удовольствіемъ примѣчали *Бруно* и *Росвикъ* дѣйствіе спраси въ нѣжныхъ сердцахъ дѣтей своихъ; съ восхищеніемъ любовались два дру-

га любящимися—когда они рука съ рукой прогуливались по террасамъ замка, или въ пламенныхъ изліяніяхъ любви наслаждались разговоромъ о ней—подъ развѣсиспыми пополами. — И щастіе сердець ихъ улыбалось въ каждомъ взорѣ ихъ — Съ надеждой на будущее — предались *Бруно* и *Росвикъ* сладостнымъ мечтамъ своего воображенія, надѣясь нѣкогда вкушать блаженство; которое, казалось, было уже такъ близко въ ихъ любезныхъ дѣшяхъ; когда союзъ священный соединитъ ихъ на вѣки, и соединитъ совершенно благополучными. —

Любовь, подобная любви ихъ дѣшей, могла бытъ надежною ошъ измѣны, и непоспоянства,

сихъ чудовищъ; разрушающихъ по большой части соединенное прежде власшю любви. Они были предметомъ всегдашнихъ ихъ разговоровъ—какъ сосшавя одно семейство, проведутъ они остатокъ дней своихъ; подъ кровомъ пишины въ объятіяхъ милыхъ дѣшей, и снова увидятъ себя воскресшими въ любимыхъ внучапахъ. — Ничто кажешся, не могло рушить сихъ пріятныхъ надеждъ.

Однакожь, въ сердцѣ *Бруно* раждались иногда мрачныя, боязливыя мысли, которыя щещно старался онъ изсреблять.— Часо взоръ его, покоясь на прекрасномъ, бѣдромъ *Отмарѣ*, превращался изъ радостнаго въ унылый, и слеза горестнаго предчувствія въ немъ бли-

спала.—Его рожденіе было еще покрыто непроницаемой тьмою, жоторую *Бруно* щещно разгнать старался.—*Отмаръ* назывался сыномъ его, и всѣ считали его шаковымъ испинно—самый *Бруно* радовался имѣшь шакого сына, но глубоко шротало его, что онъ долженъ сокрывать шайну отъ своего друга *Росвика*; и осшавляшь его въ заблужденіи, о подлинномъ происхожденіи своего *Отмара*. Открышіе рода, коего въбудущемъ, могло навлечь ему непріяшние слѣдшвія, и разрушитъ навсегда ихъ лесшныя предпріашія.

Отмаръ вспунилъ уже въ юношескіе лѣша — и время наступило, когда непосшижимый старецъ долженъ былъ явишься, или открьшь шайну его

рожденія , какъ бы то нибыло; но Бруно опасался сего открытія , сколько же много , какъ и желалъ его; сколько разъ принималъ онъ мѣры свои , ошмыскалъ шайнспвеннаго епарца , или получишь хотя о немъ извѣстіе—но все напрасно. Нигдѣ даже не было и слѣда—щепная доска наконецъ возбудила мысли въ сердцѣ Бруно , что старецъ постигнувъ внезапною смертію , которая осуждаетъ его на вѣчное молчаніе.

Много разъ рѣшался Бруно , открытъ все своему другу Росвику , и вывести его изъ заблужденія въ разсужденіи Опмара; но данная имъ клятва хранитъ вѣчное молчаніе , шайное предчувствіе , и какая то неизяснимая сила удерживали

его ошѣ этого. Росвикѣ, Минона и Опмарѣ наолаждались полнымъ щасіемъ, находясь въ семъ заблужденіи — и Бруно пренешалѣ при мысли, что можетъ быть несчастное ошкрытіе разрушитѣ его совершенно.

Каждый день спановилось тяжелѣе его сердцу, чувствуя, что онѣ обманывалѣ лучшаго своего друга, чувствуя его дружбу, довѣренность, терзался онѣ; что не могѣ плашить шѣмѣ же добродѣшельному Росвику — наконецѣ — по долгомѣ сопротивленіи и сраженіи съ самимѣ собою, рѣшился онѣ ошкрыть все своему другу, и вывести его изѣ заблужденія.

Въ глубокой задумчивости, и разсужденіи о своемѣ намѣреніи, спѣшилѣ онѣ въ одинѣ ве-

червь въ замокъ своего друга ; какъ внезапно изъ-за кустовъ явилась ему человѣческая фигура въ длинной, бѣлой одеждѣ.—Бруно! сказала привидѣніе глухимъ тономъ, пивой путь ненадеженъ; возвратись назадъ, и не ходи сего дня въ замокъ Росвика.—„Чтожъ мнѣ препятствуетъ въ этомъ?“ спросилъ Бруно. —

Привидѣніе. Твой долгъ.

Бруно. Я не понимаю тебя.

Привидѣніе. Вспомни свои кляшвы—пресшупника караетъ мщеніе небесъ—ты идешь нарушить обѣщаніе швое, и сокрушишь навсегда щасшіе драгоценныхъ душъ швоей. Повинуйся и возвратись.

Бруно. Открой мнѣ лице швое, ешъли хочешъ, чшобъ я

повѣрилъ и повиновался тебѣ.

Привидѣнїе. Оно не принадлежишь болѣе въ царству живыхъ.

Бруно. Я думаю, что тебя знаю и долженъ видѣть тебя—открой его.

Привидѣнїе. Ты желаешь этого—да будешь по своему.

Оно сбросило покрывало съ головы назадъ, и Бруно увидѣлъ обнаженный, мертвый черепъ — съ трепешомъ ощутилъ онъ назадъ.

„Кшо ты духъ могильный?“ спросилъ его Бруно—содрогаясь отъ ужаса.

Привидѣнїе подняло изсохшую руку, и Бруно увидѣлъ половину разломленнаго кольца—это кольцо говоритъ тебѣ, что часъ близокъ, кошорый

объяснишь тайнство рожденья
 своего сына Опмара — сказала
 мертвая фигура, — но только
 подъ ужаснѣйшею клятвою вѣч-
 наго молчанія, можешь ты уз-
 нать это — и одна смерть, осво-
 бодитъ тебя отъ сохраненія
 клятвы сей. — Рѣшись, что ты
 хочешь дѣлать! и — если можешь
 исполнить клятву, то
 не долго будешь ожидать отъ
 меня рѣшенія тайны.

Ты ли тотъ таинственный
 старецъ — вручившій мнѣ Оп-
 мара? спросилъ Бруно. Я! оп-
 вѣчало привидѣнїе — и мгновен-
 но исчезло въ листьяхъ кустар-
 ника, наполнявшаго лѣсъ. — Ус-
 шрашенный Бруно возврашил-
 ся поспѣшно назадъ въ свой за-
 мокъ.

VII.

Алчными взорами взиралъ Гиральдо, на возрасшающее блаженство Миноны и Опмара: зависть прошивъ него спѣсняла его сердце; честолюбіе овладѣло имъ совершенно; съ каждымъ взоромъ его на любви достойную Минону, возрасло пламенное желаніе — обладать ею. — Преимущество, которое всегда получалъ Опмаръ предъ нимъ, опъ Миноны, холодное дружество, кошорымъ она опвѣщивовала, на его ласкательства и прошивность, встрѣчавшаяся ему во всѣхъ мѣрахъ, имъ принимаемыхъ. снискавъ ея благосклонность. привели всѣ чувства его еще въ большее волненіе.

Сердце Гиральдово было такъ исполнено ею въ его юности, что не могло принимашь въ себя впечатлѣній чистой, непорочной любви, — одно гнусное сладострасшіе наполняло его душу, и чувство нѣжное — крошечное — соединяющее благородные сердца любовниковъ, святыми узами братской любви; было ему не извѣстно. — Онъ видѣлъ въ Минонѣ, будущую наследницу всего величія и богатства; могущественнаго Росвика, которые нѣкогда, какъ онъ думалъ; будущъ принадлежать ему. — И такъ естли онъ не могъ питашь совершенной надежды обладашь ими, и снискашь любовь добродѣтельной Миноны: то голосъ честолюбія и зависши принуждалъ его рѣ-

пишья, по крайней мѣрѣ не уступить ее никому—и не допускать ненавистнаго Ошмара получить ея руку; употребляя все, чего бы то ему ни стоило.

Собственная выгода, страхъ отъ горнаго незнакомца, и угрозы его, принуждали Гиральда повиноваться совершенно совѣщамъ отца своего; въ будущемъ отношеніи своемъ прошиву Росвика, и обоихъ любовниковъ—и исполнить ихъ, скрывая подъ наружною маскою, внутренность черной души, и обмануть своихъ наблюдателей.

Искусно скрывалъ Гиральдо свои намѣренія, и злобные чувства подъ дружескою улыбкою, часъ отъ часу болѣе; съ ласкающимъ взоромъ, и прищворнымъ снисхожденіемъ, прилѣп-

лялся къ Ошмару и Минонѣ.—
 Дѣлалъ имъ различные угожде-
 нія, и бралъ нѣжнѣйшее, брат-
 ское участіе въ ихъ любви; онъ
 былъ непрестаннымъ повари-
 щемъ любовниковъ, и свидѣте-
 лемъ ихъ щастія, что умножа-
 ло часъ ошъ часу его злобу; про-
 шиву крошкато Ошмара. И онъ
 часто былъ въ опасности, чтобъ
 волненіе пылкихъ его чувствъ
 не обнаружило настоящаго его
 положенія, но хитрость осво-
 бождала его ошъ онаго.

Часто, когда влюбленные въ
 обняшіяхъ другъ друга предава-
 лись чувствамъ крошкой радо-
 сти, наполнявшей ихъ сердца,
 и Гиральдо былъ возлѣ нихъ.
 Мрачная задумчивость попом-
 няла его взоры — грудь волно-
 валась, и всѣ чершы лица измѣ-

няли ему, изображая ее — но пламень гнусной злобы свирѣпствовалъ въ его сердцѣ. — Когдажъ, Минона или Ошмаръ, примѣчая дѣйствіе спрасшей въ его чертахъ, спрашивали его о причинѣ, возмущающей его душу: сей хитрый злодѣй умѣлъ всегда сокрышь искусно истину, припворнымъ изображеніемъ глубокой горести; и избѣгалъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

„Давно я примѣчаю, что ты сталъ не тошъ веселый, бодрый юноша, котораго всѣ признавали прежде въ Гиральдѣ“ — такъ говорила къ нему однажды Минона, и шла съ нимъ на встрѣчу своего Ошмара: прежняя беззаботливосшь твоя и пылкосшь изчезли — глубокая горесшь, которую скрышь ты щещно

спараешься, облегаешь твою душу; твоя веселость принужденная, и не есть излияние мирнаго сердца; твоя скорбь чувствительна! для моей души. Если какое нибудь несчастие угнетаетъ тебя — открой его сестрѣ, и ищи утѣшенія и спокойствія въ ея объятіяхъ. — „Они не мнѣ принадлежатъ — отвѣчалъ Гиральдо; есть меня щасливѣйшій! и слезы покапались изъ его глазъ. Уединенъ во всей природѣ — сжимается Гиральдо, съ силою пламенныхъ сердечныхъ чувствъ его, и нигдѣ нѣтъ сердца, которое бы могло раздѣлить ихъ.

Миона. Ты несправедливъ, братецъ! Объятія дружбы для тебя отверсты — сердце друга и сестры готовы принимаешь,

и раздѣляешь чувства твои съ нѣжностію и искреннимъ уча-
 стіемъ. Скажи мнѣ, *Гиральдо!*
 что огорчаешь тебя столько?

Гиральдо. Развѣ желаешь ты,
 чтобы мои горестныя жалобы
 возмутили спокойствіе твоего
 сердца?—

Миона. Эшаго не будетъ.—
 Надежда, успокоишь тебя, и
 излечишь отъ скорби твое
 сердце, пріятное моему друже-
 ству; одно твое молчаніе мо-
 жетъ нарушать его спокой-
 ствіе. — Я не могу видѣть тебя
 несчастливымъ и страдающимъ:
 все мое стараніе простирается
 знать твое щастіе, потому
 что ты заслуживаешь быть
 счастливымъ.—

Гиральдо. Я потерялъ всю
 надежду — наслаждаюсь симъ

драгоценнымъ, сердечнымъ даромъ; но ты должна узнать тайну моей горести.—Твоя щастливая любовь, прелестная *Миона!* возбудила въ моемъ сердце чувства, доселѣ ему чуждые, и пламенное стремленіе къ подобному щастію, доселѣ неизвѣстное, овладѣло мною совершенно, и лишаетъ меня моего спокойствія.—

Миона. Любовь возвратишь его тебѣ; найди сердце, достойное твоего которое бы узнало цѣну твоихъ достоинствъ, и съ жаромъ вѣжливѣйшей любви соединилось съ твоимъ—и твое щастіе возвратится тебѣ снова.

Гиральдо. Нѣтъ — *Миона!* для меня цѣль любви не разцвѣтеть еще долго.— Я чувствую слишкомъ зависимость

мою отъ благодарній твоего
 родителя, чтобъ могъ, слѣдую
 влеченію сердца моего, избрать
 себѣ любви достойную дѣвицу,
 кою не могу дать, кромѣ
 нѣжнѣйшей любви исполненнаго
 сердца, или долженъ буду
 обязанымъ быть въ благополучіи
 моей супругѣ? — Этому
 не могу сдѣлать съ самимъ собою
 — долженъ я положить основаніе
 будущаго моего благополучія,
 и сыскать честь въ славѣ
 самимъ собою. — Я долженъ
 возобновить давно угасшій
 блѣскъ моихъ предковъ, и
 не прежде сего могу я надѣяться,
 приступить къ исполненію
 пламенныхъ моихъ желаній, и
 сыскать счастья сердцу своему
 въ обаяніяхъ любви; не прежде
 изберу я супругу — какъ буду

въ силахъ составишь ея щастіе.

Минона. Ты благороденъ, Гиральдо! и имѣешь довольно мужества достигнуть цѣли желаній твоихъ великими дѣлами. —

Гиральдо. Такъ — я достигну ее; я заставляю жребій улыбаешься мнѣ дружественнѣе — въ мужествѣ и рѣшительностию я опварю для себя лучшую будущность; но до тѣхъ поръ буду я наслаждаться, видя щастіе свое. и научусь лучше познавать его цѣну. —

Минона. Добрый Гиральдо! ты увидишь и меня, спарающуюся о твоёмъ благополучіи. — Ты дорогъ моему сердцу! —

Гиральдо. Точно ли я кажусь тебѣ таковымъ? Минона! до-

стойнѣ ли я любви такого сердца, какъ твое?

Миона. Безъ сомнѣнія — послѣ Ошмара ты дорожи и ближе всѣхъ къ моему сердцу — оно раздѣлено между имѣ и тобою. —

Гиральдо. И естлибѣ не было этого Ошмара принадлежали бы оно мнѣ совершенно? —

Миона. И ты сомнѣваешься? но въ чему этотъ вопросъ? — или ты завидуешь *Отмару*?

Гиральдо. Совсемъ нѣтъ — Онъ добръ и благороденъ душою; онъ заслуживаетъ всю любовь твою, и я желаю ему сердечно счастья — а общаніе, что половина сердца твоего принадлежитъ мнѣ, — утѣляетъ мою горечь! Радуйся, прекрасная

Миона! это увѣреніе возвращило мнѣ мое счастье, и веселость, оживляющая все существо мое, происходитъ отъ тебя — прими мою сердечную благодарность! —

Онъ заключилъ ее въ свои объятія — и напечатлѣлъ пламенный поцѣлуй на ея устахъ.

Погибающая надежда *Гиральда*, снискавъ любовь *Мионы*, и похишивъ сердце ея отъ не вѣстнаго ему *Отмара*, ожила снова послѣ сего разговора. — Еслибъ не было *Отмара*, говорилъ онъ самъ себѣ, тогдабъ *Миона* предалась мнѣ совершенно и ни что бы ни могло у меня похитить обладаніе ею: да употреблю же всѣ силы мои утвердить себя на этомъ пути счастья, и опдалю препят-

ствіе, заграждающее мнѣ оныѣ!

Такъ мечталъ подлый *Гиральдо* прошиву *Отмара*, но скрывалъ злобные намѣренія подъ видомъ брагской дружбы; и прилѣпляясь болѣе и болѣе къ *Отмару*, принималъ мѣры совершенно его погубить. — Его отецъ подкрѣплялъ часъ отъ часу больше въ сихъ гнусныхъ замыслахъ — изрѣдна посѣщалъ *Гиральдо* отца своего, и всегда предметомъ сихъ посѣщеній были *Росвикъ* и *Отмаръ*; однакожъ *Гиральдо* тщательнѣе избѣгалъ дороги, на которой всирѣшился съ ужаснымъ незнакомцемъ. —

Гиральдо открылъ отцу своему приключеніе свое съ незнакомцемъ въ алахъ и его угрозы, и шѣмъ возбудилъ въ немъ не-

пріятныя для него мысли и
безпокоиства.

„Нельзя опровергнуть, гово-
рилъ *Рино*, чтобы мы не были
окружены тайными наблюда-
телями нашихъ дѣйствиій—это
доказываютъ частые случаю-
щіеся со мной въ уединеніи мо-
емъ приключенія, которые удо-
стоверяютъ меня, что какой-
нибудь сокрышой врагъ спа-
рается узнать мои тайные
намѣренія, и разрушитъ все ща-
стіе, которое зависитъ отъ по-
гибели *Росвика*; но всѣ сіи
ужасы и привидѣнія скрышнаго
моего злодѣя безсильны изшор-
гнуть у меня тайну, которая
погребена въ груди—и сокрыта
непроницаемо для глазъ смер-
шнаго. —

Гиральдо. Вы слабы и стары, бапюшка! Опасно, что естли употребяшъ прошивъ васъ насиліе узнать сію тайну, — вы принуждены будете сказать ее.

Рино. Насиліе погребешъ ее во мракъ вѣчной ночи.—

Гиральдо. Вы весьма возбудили любопытство мое, бапюшка! Не могу ли я хотя нѣсколько знать оной?—

Рино. Открыть ее теперь шебѣ еще бесполезно, только можешъ пы узнать отъ меня, для удовольворенія швоему любопытству, что на берегу моря, которое омываетъ цѣли горы къ сѣверной границѣ нашего опечеснва живешъ тайно человекъ, хранишель печали къ сему важнѣйшему моему шинешву. Она надеждно хранишся

въ его рукахъ, и извѣстіе о на-
 силіи противъ меня мгновенно
 вооруживъ его и принудивъ въ
 вѣчному молчанію свидѣтелей
 моего мщенія. Еслижъ смерть
 постигнетъ меня: прежде, не-
 жели я успѣю увѣчашъ ща-
 спливывымъ успѣхомъ давно нача-
 тые мои предирія: тогда въ
 этомъ, шкафѣ, найдешь ты
 ключъ къ эшой; тайнѣ, копоря
 къ уполномоченному моему
 мстишелоу на берегу морскомъ,
 проведетъ тебя безъ затрудне-
 нія. Теперь не старайся проник-
 нутьъ далѣе во глубину сокры-
 вающаго ее мрака но слушай
 наставленія своего отца. Одно
 пришествіе въ высочайшей
 степени можетъ обманутьъ
 шамшвенныхъ и неупоми-
 мыхъ нашихъ наблюдателей —

и довести насъ благополучно къ давно желанной цѣли; преодо-
лѣвай себя — и скрывай духъ
мщенія противу *Отмара*; и ста-
райся подѣ блескомъ брагской
дружбы выигрывать болѣе его
добренности, и вкрадываться
между стѣмъ въ сердцѣ пре-
красной *Мавонзы* — пользуйся ве-
медлѣнно мнущою, которая
возведетъ тебя на верхъ ща-
стія — и освободитъ отъ нена-
вистнаго соперника.

Такимъ же подобными сему со-
вѣтами старался *Рино*, какъ
можно болѣе воспламенить кар-
тинну мщенія, и чувство нена-
висти въ сердцѣ *Тиральда* про-
тивъ *Росвила* и *Отмара* — и все
пріуготовивъ въ ихъ погибели.
Тиральдо жъ съ своей стороны
показывалъ сноль много жела-

нія, слѣдовавъ наставленіямъ
ошца своего, что сей совершенно
успокоился; и питалъ на-
дежду непремѣннаго исполне-
нія всѣхъ своихъ намѣреній.—
Каждое посѣщеніе Гиральдомъ
своего ошца, укрѣпляло новы-
ми узами сердце его въ пороки
и шайной злобѣ.

VIII.

Ст. 126 возвращенный: своимъ благодѣшелемъ, образовалъ въ себѣ совершенн. го. воинъ — и шедевр. предстѣвилъ прекраснѣйшій: случай, исполнишь. ему ожиданія и надежды храбраго Бруно, и наградишь. довѣренность князей. По долговременномъ мирѣ, настало новое безпокойство — и грозные облака ужасной войны помрачили свѣтлый горизонтъ всеобщей тишины. — Гласъ любви къ отечеству, снова раздакъ въ благородныхъ сердцахъ герсехъ и сынахъ отечества, о защитѣ его.

Время посребрило волосы храбраго *Бруно*; и ослабило руку его. Мечъ его, обращаемый нѣкогда быстро прошиву вра-

говѣ, теперь спалъ ему тяжель и онъ съ другомъ своимъ *Росвикомъ* искалъ одного спокойствія и сладкаго отдохновенія отъ шумовъ военныхъ на пожатыхъ имъ лаврахъ въ дняхъ цвѣтущей его юности. Въ мирной тишинѣ увѣчанные славою желали: два друга, одного непрерывнаго, ея продолженія надъ собою до конца дней своихъ. Съ полною довѣренностію обратился теперь взоръ его на мужественнаго Опмара; и исполненъ предчувствіемъ надѣялся онъ, что сей продолжилъ и умножилъ храбросію своею: по сіяніе славы его: котораго онъ самъ продолжилъ былъ уже безсилёнъ.

Опмаръ былъ назначенъ предводителемъ храбрыхъ воиновъ

старого Бруно, и молодой герой съ торжествомъ приготовлялся въ назначенный ему пунь. Пламенно билось его сердце въ ожиданіи дней славы и чести. — Чшо раждало радость въ душѣ. Оммара: поже самое омрачало сердце. Миноны шомною горевшю. — Оммаръ и его присудовіе сдѣлалися необходимы для Миноны близкѣи часъ насупающей разлуки былъ для нее несносенъ, и сердце пренешало въ груди ея, онъ вореспныхъ предчувствій; и радость Оммара уменьшилась, когда онъ заспаавъ любезную Минону въ слезахъ и узваавъ, что былъ ихъ причиною. Ахъ! Оммаръ! вскричала она въ отчаяніи на его груди — шы оставяешъ меня шеперь; и мое сердце предвѣ-

щаетъ мнѣ, что мы расстаем-
ся навсегда.

Опмаръ старался изгнать
такія мысли — Небеса не ешюль
жестоки, говорилъ онъ, чтообъ
разлучили два сердца, опредѣ-
ленные ими одно для другаго.
Изгнать въ обманчивые пред-
чувствія! — Пошеку я пушемъ,
мнѣ определеннымъ — и на полѣ
чесни пожну неувядаемые лав-
ры. Увѣнчанный ими, скоро воз-
вращусь я въ швой объятія —
и они содѣлаюшъ меня щасли-
вымъ и достойнымъ обладать
шобою.

Гиральдо соединилъ свои ушѣ-
шенія и обнадеживанія къ Оп-
маровымъ — и сердце ея успокои-
лось нѣсколько. когда сей зло-
дѣй общалъ ей послѣдую на
поле брани за Опмаромъ, не

остаяляшь его, и что его дружба будетъ эгидомъ, который сохранишь ей милаго Ошмара среди опасностей и ужасовъ военныхъ.

Такъ — вскричала Минона, прижимая Гиральдо съ доверенностію къ своей груди — шавъ, братъ мой! ты будешь гениемъ хранишелемъ моего Ошмара; твой основательный разумъ будешь умѣряешь пылкой огонь юности его сердца — еслили оно поведетъ его слишкомъ къ дерзостнымъ предпріятіямъ и опасностямъ. — На тебѣ основана вся моя надежда; будь другъ, совѣтникъ и хранишель моего Ошмара: любовь сестры твоей будетъ наградою тебѣ, еслили ты возвратишь его въ мои объятія.

Росвикъ былъ свидѣтелемъ этой сцены. Любезная дочь! скрой — испреби всякое чувство страха изъ своего сердца, могущее легко ослабить мужественный, геройскій духъ Олимара; онъ долженъ теперь опираясь на все, чтобъ быть достойнымъ своего рода и довѣренности Моцарха, благородно снискашь и заслужишь руку твою, геройскими дѣлами и мужествомъ. Тогда радостно положу я руки ваши на союзъ вѣчный, когда онъ, въ блистаніи славы, возвратится опять къ намъ; и прекрасно будешь зеленѣть лавры, пріобрѣтенные на полѣ брани, въ брачномъ вѣнцѣ. День возвращенія его будешь днемъ вѣчнаго вашего соединенія; такъ говорилъ добродушный Росвикъ къ Милонѣ.

Исполнены благодарности; поверглась Опмаръ и Минона на грудь его; исполненъ злобы и мщенія, взиралъ на нихъ Гиральдо дикими взорами, изъ коихъ блистала вся внутренняя злоба его; онъ клялся во глубинѣ сердца своего, очерченнаго злостію, непременно погубишь Опмара.

Деньשבѣзда обоихъ молодыхъ героевъ наступилъ; воины собрались въ долину подлѣ замка, и Опмаръ съ Гиральдомъ, Бруно, Росвикъ, и Минона, приближились къ нимъ. Воины привѣтствовали молодыхъ начальниковъ радостными восклицаніями, и горное эхо пробудилось отъ ржанія и топота коннаго, крика воиновъ и жалобъ страшнаго Миноны!

Часъ разлѣки ударилъ: Опшмаръ прижалъ еще разъ пламеннѣе, Минону къ своему сердцу — и — вырвался изъ ея объятий!

Горестное восклицаніе послѣдовало за убѣгающимъ Опшмаромъ: и ея взоры наполняясь слезами, провожали его до горы, которая должна была его скрыть! Еще разъ Опшмаръ осановилъ коня своего, и издали простился съ нею знакомъ; потомъ исчезъ, подобно молніи, за горою. Изнуренная долгими преодолѣваніями своей скорби, поверглась Минона безъ чувствъ на руки своего отца.

Теперь замокъ Росвика сталъ пустынь и уединенъ. Радость и веселье исчезли вмѣстѣ съ Опшмаромъ и Гиральдомъ; одни жалобы и вздохи Миноны нару-

шали тишину, въ немъ царствующую, покуда наконецъ безпресытные утѣшенія и разговоры двухъ старцевъ, и пріятныя извѣстія съ поля битвъ не осушили слезъ ея, и полученные побѣды ея любезнымъ не утѣшили ее тихой радостію и надеждою.

Олимаръ имѣлъ случай оплечить себя своею храбростію. Съ пламенной отважностію наступалъ онъ съ воинами своими на непріятелей. Щасіе сопровождало его во всѣхъ предпріятіяхъ, и каждый шагъ его ознаменованъ былъ славою и сопровождаемъ почестями, но тайные ковы злобы располагались кругомъ его. — Гиральдо, подвѣ наружностію дружества, приближаясь ближе и ближе

къ его сердцу окружалъ его погубелью въ огнѣ сраженій, и старался искашь, подѣ видомъ защиты, ему погубели.

Храбрость, которою Опмаръ отличалъ себя на поле брани, почтеніе, въ которомъ онъ находился у войска, и выгоды, которыя снискалъ онъ предъ Гиральдомъ, своимъ благоразуміемъ и дѣятельностію распоряженій, воспаменяли больше ненависть послѣдняго. Примечательно наблюдалъ злодѣй всякій случай, могшій погубить отважнаго Опмара: но надежды его были тщетны — что храбрый и пылкій Опмаръ будетъ завлеченъ въ погубель своимъ жаромъ, и сдѣлается жертвою безразсудной храбросши.

Однажды, послѣ долговременнаго и многочисленнаго сраженія, день склонялся къ вечеру: кровавой лучъ заходящаго солнца пренеприятнѣе свозъ вѣтви древесныя, и блескъ его, казалось, съ отбращеніемъ касался окровавленныхъ струновъ, поверженныхъ въ долину, и ужасныхъ осмашковъ добычей смерти. — Совершенное изложеніе неприятелей, умножило еще больше въ этотъ день славу Озмара. Его рука произвела чудеса храбрости — ей, и его благоразумію, приписывали большую часть торжества надъ врагомъ — и щастливое окончаніе побѣды, съ восклицаніями радости и похвалъ пролѣзло имя его по рядамъ воиновъ; одинъ Гиральдо молчалъ;

злбное сердце его было чуждо радости онъ не раздблялъ ее съ шоварищами своими;— шумные ихъ крики и поздравленія врагу его, воспламеняли только болбе его злобу противу Опмара, и сжавъ сердце, удалился онъ отъ него, не могши сносить оныхъ привбтешвий; наконецъ, блескъ и слава юнаго героя привели его въ совершенное ббшенство.

Проклятiе и гибель имъ! вскричалъ онъ въ изсшупленiи; когда снова шумные клики имя Опмара, поразили его слухъ — Нбшъ, долбе не буду я сносить, чтобъ сей обожаемый полубогъ возносился до небесъ надо мною, и чтобы онъ вездъ, на стезъ славы и чести, заграждалъ мнъ дорогу; чрезъ

его шрупъ только могу я вспу-
 пишъ на сію спезю—и влянусь!
 что исполню сіе; —исполню!—
 ешьлибъ и земля и небо во-
 оружились за него!

Въ бѣшенствѣ, какъ гонимый
 фуріями, вырвался онъ изъ ря-
 довъ воинскихъ, и быспро про-
 бѣжалъ чрезъ долину въ лѣсъ,
 чинобъ шамъ на свободѣ дашь
 спремаеніе чувствамъ, и про-
 хладишь въ шбви его кипящую
 свою кровь. Сбуныніемъ ошвра-
 шился Ошмаръ, онъ кроваваго
 поля, и со слезами взиралъ на
 опустошеніе и на шбла неща-
 сныхъ воиновъ, падшихъ жер-
 швою смерти.

Нѣжные чувства челошвоко-
 любія, и жалости, возбуди въ
 въ душѣ Ошмара; при семъ пе-
 чальномъ зрѣлище, и изшреби-

ли радость о приобретенной славе и о выигрывахъ сраженій; онъ очень желалъ раздѣлишь сіи чувства, съ другимъ нѣжнымъ сердцемъ. Онъ искалъ *Гиральдо* облегчить грусть свою въ его объятіяхъ; но никто не зналъ, гдѣ онъ находился, и горестъ его умножилась. Можетъ быть другъ его палъ въ жару сраженія.

Отмаръ собралъ своихъ побѣдоносныхъ воиновъ; обремененные добычею расположились они лагеремъ подлѣ гущаго, мрачнаго лѣса, на высотахъ холмныхъ; ихъ радостныя восклицанія, громко раздавались въ долинахъ и повсюждались эхомъ горнымъ. *Отмаръ* удалился отъ сихъ торжествующихъ. Безъ *Гиральда* чувство-

валъ онъ мрачную скуку уединенія, даже и среди множества радостныхъ воиновъ, его сердце изшаевало отъ печали о потерѣ милаго друга, и онъ не примѣтно на быстромъ конѣ своемъ возвратился на поле сраженія, искалъ шамъ между пурповъ мертваго друга своего.

Всѣ его старанія найти пропавшаго, были тщетны. Нигдѣ не нашелъ онъ ни малѣйшаго знака своего *Гиральда*. Печаленъ и задумчинъ онъ возвращался назадъ; и вся душа его занялась *Гиральдомъ*.

Его дорога шла подлѣ ближняго лѣса, и едва достигъ онъ кустовъ, какъ услышалъ недалеко, въ нихъ выстрѣлъ прошивъ себя; со свистомъ ударила пуля въ грудь коня его;

дико, съ бѣшенствомъ бросился онъ въ сторону, и окровавленъ палъ на землю подъ рыцаремъ.

Въ тотъ самый мигъ услышалъ *Отмаръ*, пронзительный вопль въ кустахъ. Не размышляя долго, бросился онъ съ обнаженнымъ мечемъ въ ту сторону, откуда происходилъ вопль. Осирый мечъ открылъ ему дорогу съвозъ дикій шернъ, и сколь велико, неописанно, было удивленіе его когда увидѣлъ онъ здѣсь *Гиральдо*, кашающуюся въ бѣшенствѣ по землѣ!

„*Гиральдо!* вскричалъ *Отмаръ* съ удивленіемъ, какъ ты зашелъ сюда? Въ какомъ жалкомъ положеніи я тебя вижу!“

„Прочь отъ меня—ужасный духъ ада! вскричалъ *Гиральдо*,

прижимая лице къ землѣ; исчезни отъ меня.—Я оставляю его.

„Что ты говоришь?“ спросилъ его испугавшись *Отмаръ*; „взгляни на меня, *Гиральдо!* я не духъ адскій, но *Отмаръ*, твой другъ—твой братъ, который вездѣ ищетъ тебя!“

Гиральдо поднималъ пренецивающие глаза свои, и долго смотрѣлъ на него. „Ты ли это?“ спросилъ онъ *Отмара*, стараясь приподняться. *Отмаръ* помогъ ему: — дрожащій и блѣдный, какъ привидѣніе, съ разсвоенными на лицѣ чертами стоялъ предъ нимъ *Гиральдо*, и едва могъ держаться; колѣна его дрожали, и каждая его черта была обезображена мрачною дикостью; каждый членъ его силь-

но шрепешалъ, какъ въ жесто-
чайшемъ припадкѣ. *Отмаръ* дер-
жалъ его въ своихъ объятіяхъ.
„Ради Бога извясни мнѣ, что
съ тобою случилось? твоей взоръ
ужасенъ, все тѣло твое въ спра-
шномъ шрепешѣ. Отъ чего это?“

„Убѣжимъ! шепшалъ *Гиральдо*,
это мѣсто обитаетъ злоб-
ными, непріязненными людьми,
духами, разливающими здѣсь
ужасы и ничтожество..

Скажи, яснѣе продолжалъ *От-
маръ*. „Я заблудился въ эшомъ
лѣсу, опвѣчалъ *Гиральдо* и ис-
калъ выхода; какъ вдругъ при-
ступилъ ко мнѣ злобный духъ—
въ видѣ ужаснаго исполина,
сильною рукою повергъ меня,
и, подобно тяжкой горѣ, лежалъ
онъ на мнѣ; огни пылали вокругъ
меня, и я бы погибъ, естлибы
не пришелъ ты.

„Злодѣй! раздался глухой, гробовый голосъ вблизи. Горе тебѣ, проклятый!

Съ ужаснымъ пренешомъ прижался *Гиральдо* къ *Отмару*, спаси меня отъ мщенія обнаго духа! вскричалъ *Гиральдо*; взгляни люда, вошѣ онѣ!

Отмаръ взглянулъ въ сторону и увидѣлъ при сумракѣ вечернемъ блѣдную, ужасную тѣнь остава, которая, угрожая рукой *Гиральду*, неслась къ нимъ изъ за кустовъ.

Спой! вскричалъ *Отмаръ* и дай мнѣ отвѣтъ, кто ты?

Я геній хранитель твоей жизни, отъвѣчаю привидѣніе издали и сиротій мститель злобы; будущее откроетъ тебѣ все и ты узнаешь меня короче: Горе *Гиральду*!

Страшно раздалось *горе Гиральду!* произнесенное привидѣніемъ; и пренецущь, какъ преступникъ, прижался *Гиральдо* къ *Отмару*, скрывая на груди его свое лице.

Медленно понеслось привидѣніе за кусты и исчезло въ нихъ отъ удивленныхъ взоровъ *Отмара*:

Не понятно, удивительно! вскричалъ *Отмаръ*. Этой шайны я не понимаю; выспрѣлъ былъ направленъ противу меня, тебя низвергли въ кустахъ, чтобъ умертвить. Нѣшъ сомнѣнія, что мы окружены шайными врагами, приуговляющими намъ гибель! Будемъ оспорожны, любезный другъ! чтобъ удвоеннымъ благоразуміемъ и осмотрительностію низвергнушь ихъ замыслы.

Гиральдо былъ слабъ, разспрошенъ, что едва могъ стоять. *Ободришь*, говорилъ *Отмаръ*, опришь на меня, и не спавемъ здѣсь медлить, гдѣ смерть намъ можетъ быть приговорена, поспѣшимъ достигчь лагеря.

Гиральдо, опершись на *Отмара*, шелъ съ нимъ въ лагерь. Слышно, какъ билось сердце въ груди его, на каждомъ шагу взоры его шрешали, озираясь кругомъ; даже шумъ листва приводилъ его въ ужасъ, и при каждомъ шорохѣ онъ спрашивался увидѣшь ли своею ужаснаго гонителя. Тогда только могъ *Гиральдо* дышать свободно, когда достигъ лагеря съ *Отмаромъ*: и тамъ, въ кругу своихъ воиновъ, только почиалъ себя безопаснымъ. *Отмаръ* съ довѣ-

ренностію рассказывалъ *Гиральду*, что съ нимъ случилось, и онъ, казалось, бралъ живѣйшее участіе о его опасности; усмиренный въ землю, и усращенный взоръ который онъ не смѣлъ поднять на *Отмара*; могъ бы обнаружить скоро въ немъ злодѣя взорамъ послѣдняго, еслибы сей былъ способенъ вѣрить, что его сердце было споль низко и подло.

Скоро хитрый злодѣй скрылся оцпашъ подъ наружностію приливной дружбы; и употребилъ все свое искусство, опклонитъ совершенно отъ себя подозрѣніе, которое могло бы родиться въ сердцѣ *Отмара*. Я не понимаю тайны эшаго приключенія, говорилъ онъ; но безвсомнѣнія насъ окружающъ какіе

иибудь тайные враги, и ищущѣ
 погубишь насѣ. Я повергнушѣ
 въ кустахѣ безѣ чувствѣ на
 землю въ жертву смерти, и въ
 самую шу минушу направленѣ
 противѣ тебя выстрѣлѣ изѣ
 глубины лѣса, чтобѣ умертвишь
 тебя. Какіе доказательствѣ
 еще нужны для насѣ, чтобѣ
 увѣришья что около насѣ есть
 злодеи, желающіе нашей поги-
 бели. И если не обманываюсь,
 то эти изверги должны быть
 изѣ нашихѣ товарищей и вои-
 новѣ; быстро прошелѣ ты путь
 славы, быстро явилѣ себя ге-
 роємѣ, и увѣнчалѣ себя честію
 и лаврами — и это вѣрно воз-
 будило зависть и тайную злобу,
 въ твоимѣ великимѣ достоин-
 ствамѣ — съ прискорбіемѣ и не-
 годованіемѣ взирающѣ на свое

щастіе , которое сопутству-
 етъ тебѣ неразлучно; и направ-
 ляетъ всѣ шаги твои въ но-
 выя побѣды и въ новую славу.
 Многимъ изъ нихъ можешь
 бышь препятствуешь ты на-
 пуши славы собою , и превра-
 щаешь въ ничто ихъ честолю-
 бивыя намѣренія , на дорогѣ че-
 сти они хотяшъ изпрепятствуй-
 тебя , чтобы пошомъ достиг-
 нуть свободно цѣли своихъ же-
 ланій. Я твой неразлучный со-
 путникъ въ опасностяхъ , — уча-
 ствуй въ славныхъ дѣлахъ твоихъ ,
 но ихъ лучей сіяніе слабо отра-
 жается на мнѣ. Известно всѣмъ ,
 съ какою заботою я слѣдую за
 тобою и охраняю всѣ шаги твои ,
 какъ пламенно желаю я с. і до-
 вать за тобою въ опасности —
 и съ брагскою любовію ошда-

ляшь ихъ отъ тебя, — чегожъ еще больше нужно чшобъ возбудишь равнобрно и ко мнб ненависть въ сердцахъ своихъ злодбевъ? — Но это не должно успрашать насъ — мы покажемъ нашимъ врагамъ, что всб ихъ подлые ковы презираемъ также, какъ и ихъ самихъ; но употребимъ всю пронцашельность благоразумія, изыскашь сихъ скрышныхъ бездбльниковъ, и обнаружимъ злодбйственныя ихъ замыслы.

Такъ умблъ предупреждать хитрый *Тиральдо* по ондаленное подозрбнiе, коего начало могло бы можетъ бытъ, поселишься въ груди *Отмара*. Доброе сердце *Отмарово* весьма лбгко далось въ обманъ, онъ самъ былъ слишкомъ благороденъ и не-

знакомъ съ припворствомъ члобъ могъ приписаць его, тому, коего дружбу и любовь почишалъ онъ возросшую къ себѣ вмѣстѣ съ лѣтами ихъ юности, и таковой родъ злодѣйства въ сердцѣ друга былъ для него невообразимъ.

Съ полною довѣренностію бросился *Отмаръ* въ объятія хищраго, льстиваго своего злодѣя, и въ сердечныхъ объятіяхъ заключилъ снова съ нимъ союзъ пламенной дружбы, и братской любви. Страхъ при вспоминаніи ужаснаго незнакомца, и исполненіе его предвѣщаній и невидимаго присудствія принудилъ злобнаго *Гиральда* оставить на нѣсколько времени планы свои прошивъ *Отмара* и ожидать удобнѣйшаго времени къ произведенію ихъ въ дѣйствіе.

IX.

Въ то время, какъ *Отмаръ* исполненными шагами прошекалъ по нуши чески и получалъ новыя лавры, въ его родинѣ случились различныя, значительныя и неурядныя происшествія.

Долговременное отсутствіе любезнаго *Миона*, возобновило въ сердцѣ ея всѣ горестныя разлуки, и возбудило тысячи различныхъ мыслей въ душѣ ея, которыя разгоряченное воображеніе представляло ей въ ужасныхъ видахъ, уединеннаго сненала она о удаленіи ея милаго *Отмара*, и искала сердца, въ которое бы могла она излишь горестныя свои чувства.

Ея желаніе не могло долго скрываться ошѣ проникатель-

ныхъ взорѣвъ опеческой нѣжно-
 сти — онъ узналъ мысли своей
 дочери, и съ радосшю старался
 исполнить ея желаніе. Будучи
 въ городѣ сей добродѣтельный
 рыцарь, познакомился съ
 одною благородною дѣвицею,
 вожорую нѣжнѣйшая пріятель-
 ница сужруги его взяла въ себѣ
 сиротою, не имѣющей никого
 родства, и воспитала вмѣсто
 дочери въ своемъ уединеніи.

Эда, было имя дѣвицы,
 пріятность и любезность ея
 склонила *Росвика*, при первомъ
 взорѣ на нее въ ея пользу, а
 коропкій разговоръ его съ нею
 увѣрилъ его совершенно въ ея
 достоинствахъ. Онъ нашелъ,
 что наружныя ея прелести
 были изображеніемъ чистой и
 непорочной души. Онъ съ неизвѣ-

яснимою радостію желалъ видѣшь сію крошкующу добродѣтель подругою своей милой дочери; и это желаніе умножилось еще болѣе, когда *Морина* восвишательница *Эдды*, познакомила его ближе съ достоинствами сердца и духа пиюмицы; и когда онъ самъ замѣшилъ въ *Эддѣ* чувства, которые совершенно сходствовали съ чувствами его дочери.

Тщешно старался *Росвикъ* узнать отъ *Морины* хотя нѣкоторыя общешельства фамиліи *Эдды*. Темный, непроницаемый покровъ лѣжалъ на судьбѣ *Эдды*, и сама *Морина* не знала ни малѣйшаго общешельства, касавшагося до ея рожденія; не было никого, ктобы зналъ ее, и для всѣхъ равно ея происхо-

жденіе было мрачною пайною. *Эдда* была воспишана бѣдной крестьянкой, никогда не видавшей ея родителей. — Неизвѣстный, копорой нашелъ маленькую сироту въ лѣсу, опдалъ ее элою женщиноу вмѣстѣ съ маленькимъ ящичкомъ; и она изрѣдка получала на воспитаніе *Эдды* вспомощеніе отъ неизвѣстной руки.

Смерть похишила у *Эдды* воспитывавшую ея крестьянку, и добрая *Морина* взяла на себя имѣть попеченіе о бѣдной, безпомощной невинности, и воспитавъ ее, нашла въ ея любезныхъ и рѣдкихъ качествахъ, въ ея дочерней любви награду за всѣ попеченія свои о ней.

Росвикъ открылъ *Моринѣ* свое желаніе, чшобъ взять ея цѣпо-

мицу къ себѣ, и сдѣлать другомъ своей дочери. Съ радостію приняла Марина его предложеніе. Видя въ немъ прекраснѣйшій случай составить своей любезной воспитанницѣ лучшую долю въ будущемъ, нежели какого ея ограниченное состояніе и родъ могли ей при ней доставить.

Простясь съ своею нѣжною матерью, *Эдда* отправилась съ *Росвикою* въ замокъ, и *Миона* приняла ее съ радостію и ласковою врошвой души своей. *Эдда*, казалось, была нѣсколько старше *Мионы*; но сходство чувствъ и сердецъ ихъ скоро соединило ихъ неразрывными узами святой симпатіи — и ушвердило союзъ любви нѣжнѣйшихъ сестръ.

Эдда была прекраснѣйшее изображение совершенства женских прелестей: она была средняго роста; каждый членъ ея былъ чрезвычайной правильно-сти; и ея голубые глаза, об-иенные длинными рѣсницами, показывали съ необыкновенною пріятностію, крошечь и любезность ея сердца.

Глубокая чувствительность, которая сіяла во вѣхъ чертахъ ея умножала природныя красоты ея шѣла соединенныя съ красою сердца.

Такова была дѣвица, кото-рая опѣ сего времени должен-ствовала быть подругою *Мин-нонѣ*. Въ короткое время *Эдда* сдѣлалась любимицею *Русвика*, другомъ его дочери и удивле-ніемъ цѣлой страны ихъ.

Миона скоро привязалась совершенно къ любезной *Эддѣ* со всею нѣжностію искренняго дружества: она почувствовала облегченіе горести обѣ опсудствіи своего любезнаго *Отмара*. Въ кропкомѣ обхожденіи съ новымъ своимъ другомъ, и чѣмъ больше *Эдда* старалась разгнать безпокойства ея въ разсужденіи опсудствія любезнаго ей *Отмара*, тѣмъ больше водворялось спокойствіе въ ея сердцѣ.

Сколь ни чувствовала себя *Миона* щастливою дружбою прелестной *Эдды*; но радость ея нѣсколько уменьшилась, когда она отъ времени примѣшила тѣнь мрачной горести, шавшуюся въ груди ея и управляющую всѣ чувства радостей жизни въ душѣ ея милой по-

други. *Миона* уважала ея молчаніе, не хощя огорчашъ ея чувствительность нескромными вопросами о ея тайнѣ, которую *Эдда* щастливо спаралась скрывать отъ нее; и *Эдда*, казалось, столько привязана была къ своей тайнѣ, что опасалась открытъ ее своей подругѣ.

Когда же *Миона* примѣтила послѣдствіе, что печаль въ сердцѣ *Эдды* часъ отъ часу въ обхожденіи съ нею умножалась, и могла имѣть пагубное вліяніе на ея здоровье, то прервала свое молчаніе. Въ одинъ вечеръ, когда онѣ обѣ были вмѣстѣ, и *Миона*, съ чувствомъ искреннѣйшаго участія, просила *Эдду* открытъ ей тайну ея сердца. Эша нѣжная дѣвица

не могла скрывать долбе отъ нее своего сердца. Она прижала *Миону* къ своей шренещущей груди, и сказала: ахъ! я несчастна, другъ мой!

„Это давно читала я на блѣдныхъ щекахъ швоихъ и въ полныхъ слезъ глазахъ, возразила *Миона* но еспьли мы раздѣляемъ наши горести съ сердцемъ чувствительнымъ, шо чувствуемъ облегченіе. Излей всю печаль въ мою грудь; мое сердце готово принять ее; моя любовь будетъ искать средствъ утѣшить тебя. Ошарой мнѣ свое сердце!

Эда. Мои базполезныя жалобы возмушашъ шшину шво его сердца.

Миона. Неизвѣстность, въ кошорой я нахожусь о тебѣ,

возмущаетъ его больше, нежели твое признаніе. „Говори, милая сестра! Открой мнѣ причину твоей горести!

Эдда. О, *Минона!* ты щасплива; ты наслаждаешься ибносно добрата, любезнаго родишеля, и любовію юноши, въ которомъ сердце твое полагаетъ всю аѣру своего блаженства. Клянусь небесами, я не завижду твоему щастію, но сердечно радуюсь ему, и признаюсь тебѣ искренно, что я, видя его, спрадаю, воображая, что я лишена сего сладостнаго щастія.

Минона. Почемужъ? милая Эдда!

Эдда. Никогда не вкушала я сладости обвншіи мапери и опца; никогда не знала своихъ родишелей. Мой жребій, каза-

лось, началъ меня пягопить съ самой минушы моего рожденія. Груднымъ ребенкомъ вырвалъ онъ меня изъ объятій моей матери, и предалъ въ руки чужихъ людей, отъ коихъ благодѣянія я зависѣла. Такъ возраспала я игрою случая и пропивнаго жребія, какъ вдругъ судьба, казалось, надо мною смятчилась.—Но, ахъ! это былъ одинъ только скоро угасающій блескъ солнца моего щасшя, который скрылся мгновенно за мрачныя тучи! Я любила—и была любима. Блаженство любви наполняло все существо мое, и возвышало мои чувства превыше чувствъ смертныхъ; но мое щасшяе было только крапкое, сладостное сновидѣнне.

Миона. Бѣдная Эдда, что лишило тебѣя своего щасшя?...

Эдда. Я нахожусь сама в томъ въ глубочайшей неизвѣстности. Уже много тому времени, какъ *Арно*, предметъ моей безпредѣльной, пламенной любви, исчезъ отъ меня.—Никто не зналъ, куда скрылся несчастный, и всѣ мои поиски остались тщетны; мнѣ не осталось ничего, кромѣ горестнаго мечтанія—знаешь могла сокрыла моего любезнаго, и мнѣ не оставила жестокая судьба послѣдней надежды узнать по мѣсту, гдѣ онъ наслаждается вѣчнымъ сномъ, чтобъ, хотя на уединенномъ холмѣ, вмѣщающемъ въ себѣ драгоценный его прахъ, могла я слезами моими почтить память его.

Миона. Кто же былъ предметъ швоей спрасши?

Эдда. Я не знаю. Довольно было для моего сердца чувствовать себя любимую прекраснымъ юношей. Молчаніе, которое хранилъ онъ о себѣ, для меня было священно; и я не смѣла нарушить его моими вопросами; что онъ несчастенъ, читала я на его прекрасномъ лицѣ; и истину сію подтверждали мнѣ тяжкіе его вздохи. Онъ вѣрно былъ жертвою судьбы непріязненной. Неутѣшна бродила я часто въ окрестностяхъ нашего жилища, и оплакивала свои несчастія. Мнѣ явился почтенный, незнакомый старецъ изъ глуши кустарниковъ, распущихъ у подошвы чудесной горы Хиллы; запла-

струнная арфа была въ правой рукѣ его; онъ извлекалъ изъ нее шоль нѣжныя, сладостныя тоны, что мое сердце исполнилось очаровательностію ея звуковъ. Возри съ довѣренностію въ будущность, несчастная, оставленная! сказалъ онъ мнѣ; грядущее ознаменуетъ дни твои сладостію. Щастіе и новая радость исполнишь свое сердце; надѣйся, и переноси съ бодростію несчастія до назначеннаго часа. Развѣ можешь будущее возвратить мнѣ: что потеряла я въ прошедшемъ; спросила я его.—Можешь и возвратишь, сказалъ старецъ, подавая мнѣ руку свою, и попомъ, прижавъ меня къ своему сердцу: надѣйся, ибо когда ты увидишь и отца сво-

его и своего *Арно*; они живы и исполнены горячности къ тебѣ, надѣйся! Еще не много, и они оба будутъ возвращены тебѣ. Тутъ подобно легкому привидѣнію, исчезъ онъ въ кустарникѣ. Пораженная неожиданнымъ явленіемъ, стояла я долго, и взоры мои оспались неподвижно на кустѣ, сокрывшемъ отъ нихъ старца. Пріятный, увѣришельный тонъ рѣчей его, исполнилъ меня довѣренностію къ нему. Надежда воскресла въ моемъ сердцѣ. Каждый день ожидала я исполненія его прорицаній; и каждый день увѣрялась болѣе, что я обманута лживымъ привидѣніемъ.

Источникъ слезъ повалился носомъ рѣчи изъ ея глазъ; она

бросилась въ объятія *Миноны*, и пламенныя ея слезы облили грудь ея подруги. *Минона* употребила все свои силы утѣшивъ несчастную, и разгнавъ хоща немного ея горесть..

Еще сидѣли сіи два нѣжные друга подъ развѣсистыми вѣтвями благоуханной липы въ саду замка, и внезапно услышали гармонію арфы; ея очаровательныя поны неслись въ нѣмъ чрезъ кусты. *Эдда*, кажущаяся, узнавала ея звуки. Съ шрепещущимъ сердцемъ вырывалась она изъ объятій *Миноны*, и шептала ей: „это онъ; это старецъ.“

Съ изумленіемъ внимали двѣ дѣвицы симъ восхищительнымъ понамъ—и нѣжно, подобно шептанію мирнаго генія,

услышала *Эдда* произносимые ей слова: „необманчива мечта являлась въ тебѣ. Воззри съ надеждою; будущее уже несетъ тебѣ радость, и недалеко минута, которая увѣнчаетъ твои желанія.“

Голосъ исчезъ въ трепетахъ и листвѣхъ и мертвая причина приняла свое владычество. Тщательно искали взоры *Эдды* невидимаго утѣшителя, и *Минна* съ трепетомъ прижалась къ подругѣ своей.

„Ты ли это, дружелюбный старецъ! подававший уже нѣкогда мнѣ утѣшительные совѣты твои,“ вскричала наконецъ *Эдда* въ ту сторону, откуда слышала она голосъ: — „еслили это ты, то явись намъ; дай мнѣ еще разъ уви-

дѣшь почтенное изображение швое !“

Тихій шумѣ въ кустахъ привлекъ взоры *Эдды* въ шумъ снорону, и въ шемношѣ ихъ увидѣла она поднявшася старца въ одеждѣ ослабляющей близны — шихіе вечерніе зефиры играли въ серебряныхъ власахъ его, и елабый блескъ подобный лунному мерцанію въ шуманѣ, свѣшилъ вокругъ его. и придавалъ величешво его виду — „Эпо онѣ,“ сказала *Эдда*, своей подругѣ, и — простерши ему руки встрѣчу, хотѣла бросишья въ его объятія, *Миона* удержала ее.

„Эпо я,“ отвѣчалъ шаинственнй старецъ. — „Издалека принеслась жалобы твои ко миѣ, и я пришелъ излить утѣшеніе и опраду въ швою душу.“

„Извясни мибъ, почтенный старецъ! справедливы ли были обнадешиванія швои? Живбъ ли *Арно?*“

Старецъ. Живбъ.

Эдда. Гдбъ жвб онб? Для чего не рибшишб вб обвяснїя мои?— для чего не успокоишб онб это пренещущее сердце?

Старецъ. Отдаленїе разлучаешб васб; но ешьли только свиданїе сб нимб можешб успокоишб швое сердце, шо это я исполню.

Эдда (сб радостїю). И я его увижу?

Старецъ. Увидишб.—Я хочу упошребишб власшъ мою, мибъ дарованную кб швоей пользб— и призвашб изб опдаленности швоего любезнаго. Ешьли шь имбешб столько мужества и

полную довѣренность ко мнѣ, шо ожидай меня въ будущую полночь на этомъ мѣстѣ. Въ тотъ часъ, когда мракъ ночи погружаетъ въ сонъ всю природу, и смыкаетъ взоры злодѣевъ, я приведу твоего любезнаго на нѣсколько минутъ въ твои объятія. До тѣхъ поръ прощай!

Съ симъ словомъ старецъ исчезъ въ кустахъ. Утѣлился. “ сказала *Миона Эддъ*; „мнѣ спрашно на этомъ мѣстѣ, ужасъ прѣстираешься въ моемъ сердцѣ. Ни за что въ полночь не соглашусь быть подлѣ сего привидѣнія — „Я безъ всякаго страха отважусь на это,“ сказала *Эдда*; его дружескіе взоры, его почтенный видъ и нѣжный голосъ побѣждаютъ всякое подозрѣніе во мнѣ и одушев-

ляють мене совершенною до-
вѣренностію.

Тщешно спаралась *Минона* опиврапити подругу свою оише предпріятія и изпребити въ ней желаніе свиданія въ полночь съ чудеснымъ шарцемъ. Съ пламеннымъ неперібіемъ ожидала *Эда* назначеннаго часа свиданія. Однакожь, чшобъ успокоити *Минону*, дала она ей слово, чшо останешя. и не поидеть на мѣсто свиданія.

Радосшно билось сердце ея, когда уже златорумяный лучь солнца попухъ въ темныхъ облакахъ угрюмой ночи, и мрачныя шѣни ея распространились надъ природою. Прекрасная, тихая ночь покоилась на зелени лѣсовъ и полей—крош-
ко, какъ дыханіе добраго генія,

покоющагося мирнымъ сномъ; вѣяли прохладные ночные вѣтры съ горныхъ скалъ, и торжественная пишина царствовала въ окружности, медленно, съ шихимъ величествомъ восходила луна надъ дремучимъ лѣсомъ, и изливала магическій свѣтъ свой на покоющуюся природу.

Съ пренеющимъ сердцемъ взирала *Эдда* изъ окна на уединенную, безлюдную страну. Однакожъ чѣмъ ближе наступалъ назначенный часъ, тѣмъ болѣе возраждались въ сердцѣ ея боязнь и шайный ужасъ, которые колебали душу ея въ ея намѣреніи. Наконецъ, ударилъ часъ полуночи, и пламенное желаніе *Эдды*, видѣть любезнаго въ своихъ объятіяхъ,

побѣдило спряхъ: колеблющи-
мися стопами пробѣжала она
дворъ замка и спустилась въ
садъ.

У входа его остановилась
Эдда, въ ожиданіи исполненія
обѣщанія старца, и услышала
сладостныя тоны его арфы про-
шивъ себя изъ-за алей. Они
пролили вновь довѣренность
въ ея душу — они становились
часъ отъ часу вняшнѣе, и Эдда
скорыми шагами достигла цвѣ-
тущей липы; — бѣлая одежда
старца развѣвалась вспрѣчу ей.
Подлѣ него Эдда увидѣла юно-
шу — и упала въ объятія давно
оплаканнаго *Арно*.

Конецъ Второй Книжки.

У Л Л О

ГОРНЫЙ БАРДЪ.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

Что значилъ щастіе?—На розахъ крап-
кой сонъ!

Дезульеръ.

Х.

Съ неизвяснимою радостію въ слѣдующее утро лѣшбла Эдда въ объятія своей подруги. Радуйся, любезная *Миона!* вмѣстѣ со мною!—кричала она ей. Сшарецъ не обманулъ меня; *Ярно* мой живъ; я видѣла его, говорила съ нимъ, и пламенные поцѣлуи его еще пылаютъ на моихъ устахъ. Исполненна сладчайшихъ чувствъ любви, я лѣжала на груди его.

„Какъ? ты была въ саду въ эту ночь? ты рѣшилась на это?“ спросила ее съ изумленіемъ *Миона*. Я рѣшилась, ошвѣчала она и благодарю духу, влившему сію решимость въ мое сердце. Эта ночь возвратила мнѣ мое исчезшее спокойствіе и съ новою оживленною надеждою ожидаю я теперь будущаго. „Гдѣ жъ твой Арно?“ спросила *Миона*. Ахъ! на одинъ мигъ была я въ его объятіяхъ ошвѣчала *Эдда*. „Мое пребываніе и жизнь моя неизвѣстны мнѣ совершенно, и сколько же не понятны, какъ и мое явленіе къ тебѣ. „Вотъ слова, съ кошорыми онъ оставилъ меня. „Изъясни мнѣ больше. Я не понимаю ничего; любопытство мое достигло высочайшей степени, говорила *Миона*.“

Я должна обвѣщеніемъ своему нѣжному соучастствующему сердцу, отвѣчала *Элда*; упоенная сладостію любви лѣжала я въ объятіяхъ любезнаго. Съ быстрою молніи пролѣтели минушы нашего блаженства. Мы имѣли много сказать другъ другу, и совсемъ нѣмъ наши сердца не въ силахъ были изливаться въ словахъ. Мы только чувствовали: эти чувства радостнаго свиданія заглушили всѣ желанія любопытства, но вдругъ спарець приступилъ къ намъ и вырвалъ *Арно* изъ моихъ объятій. „*Арно!*—сказалъ онъ ему съ важностію, часъ разлуки наступилъ; будь мужественъ, и повидайся гласу твоего жребія.“ Нѣтъ, нѣтъ! я не пущу тебя и руки мои простерлись въ

любезному. Старецъ удержалъ меня „ Я исполнилъ твое желаніе , увѣрилъ тебя о жизни твоего *Арно* теперь исполни и ты мое требованіе и не держай прошивишься волѣ судьбы, возвѣщающей вамъ разлуку. Я уже преступилъ мѣру времени, определенного на ваше свиданіе. Утро начинается появляться и если ты не желаешь навсегда потерять себяъ любезнаго, то расстанься! — Пронзительной, рѣзкой звукъ разлился издали. *Арно!* вскричалъ старецъ, слушай — горные духи требуютъ возвращенія твоего; послѣдуй ихъ гласу, и спасай жизнь свою. „Какая связь у тебя съ горными духами?“ спросила я съ трепетомъ своего любезнаго. Не спрашивай меня о томъ, на что опѣвѣ

чашь мнѣ невозможно,“ сказалъ Арно печально.—Я не принадлежу теперь болѣе живымъ, и нахожусь въ царствѣ горныхъ духовъ; но ушѣшся, часъ близокъ, который изведетъ меня изъ ихъ владѣній и возвратитъ мнѣ въ міру, чтобъ насладиться съ тобою совершеннымъ щастіемъ.“

Арно! вскричалъ опять старецъ громкимъ, дикимъ голосомъ съ жаромъ еще разъ прижалъ меня мой любезный къ своему сердцу и вырвавшись изъ моихъ объятий, исчезъ въ тѣняхъ древесныхъ. Тщетно проспирала я мои руки въ слѣдъ за нимъ; старецъ взялъ меня за руку и удержалъ. „Жестокій! вскричала я, „я не жестока—возразилъ онъ кротко, еслибы ты могла постигнуть связь

произшествій и проникнуть
 таинственный мракъ будущаго,
 съ любовію и благодарностію
 поверглась бы ты на грудь мою,
 и благодарила бы случаю, при-
 ведшему меня къ тебѣ! Пла-
 менно бьется сердце мое въ
 ожиданіи того торжественнаго
 дня, коимъ разкроетъ завѣсу
 таинственнаго мрака, и пока-
 жетъ узы, соединяющіе меня
 и тебя, *Отмара* и *Арно* и всѣхъ
 насъ. Спрашно желаю я насла-
 диться счастьемъ въ объятіяхъ
 вашихъ; но еще время не насту-
 пило. Онъ хотѣлъ удалиться, но
 обратился еще на меня печаль-
 ный взоръ, и все существо его,
 казалось, было въ сильномъ вол-
 неніи. *Эда!* вскричалъ онъ, я
 исполнилъ первѣйшее свое же-
 ланіе; я возвратилъ любезнаго

въ объятія твои изъ отдаленности, и проліялъ спокойствіе въ глубину души твоей. Если ты чувствуешь благодарнось ко мнѣ, то обними меня. Никогда не наслаждалась ты сладостными чувствами любви въ объятіяхъ родителей; приди на грудь мою, и вырази себѣ, что ты въ объятіяхъ отца; а я буду мечтать, что нахожусь въ объятіяхъ дочери и да вкусимъ мы пріятность свидѣнія, котораго истинна отъ насъ еще сокрыта!

Тронуша въ глубинѣ души поверилась я въ объятія старца; долго я лежала на груди его, и пламенные слезы его капаясь по блѣднымъ щекамъ упали на мое лице. — Ужасный звукъ повпорился вдали и изъ

торгов его изв моихъ объяшій. Благодарю тебя, дочь моя! за блаженство эшой драгоценной минушы! долгъ мой ошзываетъ меня шеперь, но ты увидишь меня и швоего *Арно* опять нѣкогда; надѣйся и будь спокойна; эшо скоро будетъ тебѣ нужно для швоего друга, *Мионы*, скажи ей отъ меня, что я невидимо присудствую шакже и съ нею, что я равнобрно геній, охраняющій любовь ея. Съ симъ словомъ онъ меня оставилъ, и медленно исчезъ между деревьями.

„Удивительно, швердила *Миона*, онъ не позабылъ и обо мнѣ—онъ называлъ себя геніемъ хранишелемъ моей любви—его непосшижимые слова возбуждаютъ удивительные чувства въ моей груди, и шихо говоришь

мнѣ тайное предчувствіе моего сердца то, чего я не могу еще изъяснить теперь.

Успокойся—дорогая *Миона!* отвѣчала *Эда*, если это таинственный прорицатель предвидитъ опасности для тебя въ будущемъ, то вѣрно найдешь и средства, предупредишь ихъ; моя довѣренность къ нему чрезвычайна съ этой послѣдней ночи, я ожидаю съ надеждою отъ него себѣ лучшаго въ будущемъ и снова—съ полною довѣренностію повинуюсь моему жребію.

Спокойствіе и радость, прежде столько чужды для *Эды*, наполняли теперь ея сердце, съ жаромъ пламенной искренней дружбы искала она средствъ, излишь равномерные чувства въ

грудь *Мионы*; но ея старанія здѣлались теперь бесполезны и звѣ прошедшаго открывались такіе, произшесствія, которые, обративъ на себя вниманіе *Мионы*, умножали ея сомнѣнія и печаль.

XI.

Росвикъ пославлялъ величайшее удовольствіе своей жизни въ дружбѣ добраго *Бруно*. И когда въ ясные вечера прогуливались они въ окрестностяхъ замка занимало мысли ихъ единственно то щастіе, кошорымъ они мѣчшали наслаждаться въ любви своихъ дѣшей. Извѣстія, кошорые приходили къ нимъ о ихъ дѣсяхъ, возбуждали болѣе и болѣе радость въ ихъ сердцахъ, и ушверждали лесныя надежды, что они оба чрезъ геройскіе свои подвиги и добродѣшель умножатъ славу своего рода.

Рѣдко мрачный, уединенный *Рино* приходилъ ко обоимъ друзьямъ раздѣляшь съ ними время: но шецерь онъ совершенно пере-

мѣнился и сдѣлался болѣе прежняго задумчивъ и мраченъ. По его наружности можно было заключить, что какіе нибудь важные приключенія имѣли великое вліяніе на его сердце: но при всемъ помѣ лесныя извѣстія о его сынѣ, казалось, дѣлали въ немъ сильное впечатлѣніе и разгоняли мрачную горестъ, царствующую безреспанно на его челѣ.

Одно желаніе оставилось у *Бруно* и *Росвика*, желаніе общее, въ кошоромъ и *Рино* казалось бралъ участіе, чтобъ безпокойства войны прекратились скорѣе и миръ возвратилъ бы имъ назадъ дѣшей ихъ. Союзъ *Мичоны* съ *Отпаролъ* составлялъ полную мѣру ихъ блажен-

ства, 'но къ, несчастію, исполненіе сего сладкаго ожиданія погребено еще было въ глубинѣ будущаго, которое дѣлало эту мысль сомнительною.

Росвикъ давно уже замѣтилъ безспокойство, которое всегда являлось на лицѣ его друга, еспли онъ говорилъ о своемъ сынѣ *Отмарѣ*, однакожъ до сихъ поръ онъ не испытывалъ его, и приписывалъ сіи чувства любви его къ *Отмару*, находящемуся въ опасностяхъ военныхъ; но теперь возбудилось новое, сильнѣйшее прежняго подозрѣніе въ груди *Росвика*, когда онъ увидѣлъ, что другъ его совсѣмъ перемѣнился, и прежнее его безпокойство непрестанно возрастало.

Непреодолимая горестъ и глубокая печаль овладѣли совершенно добрымъ *Бруно*: и каждый день дѣлали они его нечувствительнѣе къ радостямъ жизни и удаляли отъ друга. Тщетно старался *Росвикъ* разогнать мрачность чувствъ его извѣстїями о его сынѣ и разговорами о соединенїи его съ *Миноюю*. Сколько прежде любилъ занимать ими *Бруно*, столько убѣгалъ теперь ихъ. Какъ скоро *Росвикъ* начиналъ повсорять о томъ, возбуждались противные чувства въ сердцѣ его друга, и какое-то неизъяснимое волненїе свирѣпствовало въ немъ, которое скрыть тщетно онъ старался.

Въ мрачномъ унынїи, подобно спящему, слушалъ онъ, бу-

дучи подлѣ друга своего, какъ сей представлялъ ему картины будущей радости, и употреблялъ все краснорѣчіе свое, придать имъ большую прелесть въ глазахъ его. Сильно билось послѣ того сердце несчастнаго *Бруно*; тяжкіе вздохи вырывались изъ его груди. Однажды, съ наполненными слезъ глазами, вскричалъ *Бруно*: „обманчивы наши надежды на будущее, и часто то, что мы почитали основаніемъ своего счастья, превращается въ жесточайшее мученіе для насъ!“

Тщешно *Росвикъ* хотѣлъ узнать подробнѣе о немъ него объ этой тайнѣ: несчастный со слезами вырвался изъ его объятій и удалился. Но чѣмъ больше старался онъ избѣгнутьъ

объясненія, шѣмъ больше Росвикъ старался узнать сіе съ жаромъ. Вида, что другъ его съ каждымъ днемъ удалялся отъ него далѣе, онъ снова напалъ на него съ просьбами и вопросами шакъ, что *Бруно* не могъ наконецъ больше пропившись и вскричалъ: „шайна горестная, шаякая лежишь на душѣ моей, и я не могу надѣяться облегчить себя опъ нее! Ужасная клятва заграждаетъ уста мои; и одна смерть можетъ рѣшить ее; и для того не старайся проникнуть болѣе. Я долженъ молчать: но въ часъ вѣчной разлуки нашей ты все узнаешь — и оплачешь меня и себя!

Болѣе не могъ ничего узнать *Росвикъ* отъ своего друга, ешь-

ли не хотѣлъ совершенно удалить его отъ себя, то долженъ былъ щцательно избѣгать разговора съ нимъ объ этомъ. *Минона* раздѣляла нѣжно попеченія отца о своемъ другѣ, и со всею пріятностію ласкалась около мрачнаго. Но совсѣмъ шѣмъ, сколько ни пріятна была для *Бруно* ласка прелестной *Миноны*, и сколько ни любилъ онъ ее, не могла она ничего выиграть у него шеперь. Часто печальные взоры его покоились на ней и наполнялись слезами, когда она была близь его, или говорила о сладостномъ днѣ, въ который возвращишя *Отмаръ*. Воспламененный горестными чувствами въ одну изъ сихъ минутъ, сказалъ онъ ей: „*Минона!* не ласкай се-

бя будущимъ: вооружи сердце свое твердостью и покорностью, и научись раньше лишаться того, что любезно не жели когда грозный жребій, несущій къ намъ бури и нещастія, сразитъ тебя. Онъ умоляе скоро — и прервалъ сей разговоръ:—но сей и подобные сему многіе значительные выраженія возбудили безпокойство въ страстномъ сердцѣ *Мионы*, и оживили снова пагубные предчувствія, и *Эдда* должна была употребить всю силу дружбы своей, чтобы не дать чувствамъ симъ совершенно овладѣть душою *Мионы*.

Спарость и слабость изнурили силы *Бруно*: онъ приближился къ могилѣ—и внезапная болѣзнь повергла его на одрѣ

смертнѣй, съ котораго встать онъ не имѣлъ надежды. *Росвикъ* съ сердечною болѣзнію взиралъ на умирающаго друга, и шщещно призывалъ все искусство врачей возвратишь его опять дружбѣ: всѣ ихъ старанія были напрасны. Смерть требовала жершву свою.

Росвикъ ни на одну минушу не оставлялъ своего друга, и *Миона* съ *Эддою* пеклись о немъ съ нѣжною заботливостію. Не имѣя надежды, чтообъ другъ ихъ могъ оставишь смертнѣй одръ и возвратишь къ жизни, *Росвикъ* опасался, чтообъ смерть не погребла вмѣстѣ съ его другомъ въ мракъ своего и шайну, сполько близкую къ его сердцу; но все удерживалъ любопытство свое, чтообъ не-

скромностію вопросовъ не отравишь горестію послѣднихъ минутъ жизни своего друга.

Таковы были ихъ обстоятельства! Какъ распространился слухъ, что пламень войны угасаетъ, и Отмаръ съ Гиральдомъ должны были скоро возвратиться, восхищенная *Минона* съ радостнымъ сердцемъ летѣла къ *Бруно* обрадовать его внезапно сею пріятной вѣстію. Но—съ изумленіемъ Росвикъ и она увидѣли, что и эта вѣсть не только не могла одушевить его, но еще болѣе опечалила его.

Я не увижу больше моего *Отмара!* вскричалъ онъ въ болѣзненномъ испущеніи; не прижму его къ моему сердцу; и онъ не приметъ моего благословенія. Сколь пріятно моему

сердцу видѣшь его, столько долгов мой запрещаетъ мнѣ это желаніе. Его взоръ не принесетъ ничего больше для меня радостнаго, и его присутствіе можетъ только возмутишь послѣдній тихій часъ жизни моей.

„Его присутствіе, возразилъ *Росвикъ*, должно улаждать минуты вѣчной разлуки твоей съ міромъ. Уже посланный, летя къ *Отмару* съ извѣстіемъ, чтобы онъ сѣвшилъ принять послѣдній вздохъ умирающаго родителя, и рукою сыновней любви закрылъ глаза умирающаго спрадальца.“

„Что ты сдѣлалъ? отвѣчалъ Бруно съ смущеніемъ.—О, еслибъ посланный не достигъ его! О, еслили бѣ *Отмаръ* не возвратился никогда!“

Росвикъ. Странно; я не понимаю себя, что преступилъ *Отмаръ* предъ тобою. Почему взоръ его для тебя несносенъ?

Бруно. Онъ невиненъ, и числѣ отъ всѣхъ преступленій предомною; онъ все еще любимецъ моего сердца и единственный наследникъ моего имѣнія, которому такъ радостно приуговлялъ я будущее щастіе; но рука непріязненной судьбы обременяетъ его. Оплачте его—друзья моего сердца! Ты, прекрасная *Миона!* и ты, *Росвикъ!* моего *Отмара* несчастнаго юношу!

Росвикъ. Онъ не будетъ несчастенъ. Во мнѣ найдетъ *Отмаръ* нѣжнѣйшаго друга, который будетъ пещись о его щастіи. О, еслилибъ духъ твой

не оставилъ тебя до его приѣзда, чтобъ взоръ твой могъ насладиться его щастіемъ; чтобъ ты могъ еще сложить руки его и моей *Мионы* для щастливаго союза, долженствующаго соединить сердца ихъ навсегда! Я обѣщавъ ему, что день его возвращенія будетъ днемъ торжества его вѣчнаго соединенія съ *Мионою*. И сдержу мое слово.

Бруно. *Росвикъ!* повторишь ли ты обѣщаніе сіе при одрѣ умирающаго твоего друга — и дашь ли мнѣ торжественную клятву исполнить его?

Росвикъ. Клянусь.

Бруно. Это усладитъ послѣднія мои минушы; но нѣтъ. я льщусь симъ напрасно; но, если возьмъ съ себя клятву сію, ошой-

ду я съ ней въ обитель смерти; тогда своему собственному благородству долженъ я оставить ея исполненіе.

Росвикъ. Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?

Бруно. Послѣдній часъ мой наступаетъ, и печать тайственная можетъ теперь сокрушиться и освободить сердце мое отъ тяжкаго бремени. Ты узнаешь все: но, мой другъ! мой братъ! Если я истинно дорогъ былъ твоему сердцу; если память моя для тебя священна: то прошу, заклинаю тебя, не лиши *Отмара* дружбы твоей чрезъ сіе ужасное открытіе; обрати ее въ чувство ненависти, и утвердись въ той мысли, что онъ невиненъ и чистъ отъ прешупленій

проспри благородную руку помощи несчастному и не дай ему погибнуть жертвою злобы; еще разъ прошу тебя — не опринь моего *Отмара!*

Росвикъ. Небо да опринетъ меня, есѣли я когда-нибудь его оставлю!

Бруно. Благодарю тебя, любезный братъ! за швое обѣщаніе; оно примиряетъ меня опяшь съ моимъ непріязненнымъ рокомъ, и услаждаетъ разлуку съ вами. Приблизься ко мнѣ, *Мичона!* и опдай сей поцѣлуй моему *Отмару* и съ нимъ мое опеческое благословеніе! Богъ любви да осѣнитъ васъ щасшіемъ въ позднѣйшіе лѣта вашей жизни; и да возвыситъ блескъ вашего рода на позднихъ попомкахъ вашихъ!

Умирающій прижалъ съ горячностію *Минону* къ груди своей; потомъ, обратясь къ *Росвику*, вручилъ ему нѣкоторыя запечатанныя бумаги, и сказалъ: „они содержатъ тайну, отразившую послѣдніе дни моей жизни, и которую хранишь въ груди моей до сей минуты я обязанъ клятвою: не ешьли просьбы умирающаго друга для себя драгоценны, ешьли ты въ послѣднюю минуту моей жизни не желаешь покинуть ихъ спокойствіе и помрачить ясный взоръ мой, съ которымъ я смотрю въ вѣчность: то обѣщай мнѣ торжественно, что ты не прежде откроешь эти бумаги, какъ меня не будешь уже болѣе, по-

тому что одна смерть можетъ разрѣшить мою шайну.“

Росвикъ далъ ему обѣщаніе, и небесное спокойствіе, столь ему чуждое въ послѣдніе дни его жизни, распространилось во всехъ его чертахъ до того времени, какъ часъ разлуки ударилъ. Ангелъ смерти тихо пролетѣлъ надъ ними. Вѣчная ночь угасила его взоры, и благословеніе *Отмару* было послѣднимъ словомъ, вылетѣвшимъ изъ умирающей его груди.

Слезы горести и глубочайшей печали послѣдовали за старцемъ въ пищину вѣчности. *Миона* и *Эдда* украсили цвѣтами гробъ его, и безпрестанно орошали ихъ слезами: тѣмъ болѣе горестъ *Росвика* была сильнѣе о потерѣ своего

друга, чѣмъ меньше надѣялся онъ когда-либо вознаградишь сію невозвратную потерю. Нѣжныя ласки *Мионы* уже слабо дѣйствовали на скорбное его сердце: онъ заперся въ уединенную часть замка, въ которой на свободѣ могъ приносить жертву тѣни своего преселившегося друга.

Росвикъ имѣлъ еще другія, важныя причины, ошугщавшія его душу, причины, которыя похищали надолго спокойствіе и радость изъ его замка — но теперь все его вниманіе усшремлено было на бумаги, полученныя имъ отъ своего друга, въ которыхъ хранился ключъ къ тайнѣ *Отмара*. Сколько прежде *Росвикъ* желалъ узнать ее: сколько же теперь спрашился

открытія ея, кошорое по словамъ его умершаго друга, казалось ему, не вмѣщало въ себѣ ничего для него радостнаго — и тайный, внутреній голосъ останавливалъ его, когда онъ намѣревался разломать печашь.

На послѣдокъ рѣшился онъ ихъ распечатать; но едва прочелъ онъ нѣсколько строкъ, какъ бумаги выпали изъ дрожащихъ рукъ его; и онъ, обвѣятый содроганіемъ и ужасомъ, упалъ безъ чувствъ на землю: хладный пренетъ обнялъ его члены.

XII.

Отмаръ, не зналъ ничего, происходившаго въ его родинѣ, и погружался въ сладоспныя мечты будущаго, кошорыхъ исполненіе уже скоро воображалъ онъ снискать въ обвѣщіяхъ своей *Мионны*. Война пресстала свирѣпствовать, и геній мира въ новомъ блескѣ низлетѣлъ съ небесъ. Радоспные сердца лепѣли ему на встрѣу; и тяжкіе вздохи несчастныхъ преврашили въ сладкія восклицанія шоржествующаго спокойствія.

Крошкіе чувства *Отмара* соединялись шеперь съ радоспію прочихъ, и на крыльяхъ пламенной любви лѣтело сердце его къ любезной *Мионнѣ*; онъ находился съ своими воинами шеперь

уже на возвращномъ пути въ замокъ своего отца, увѣнчанъ славою, украшенъ неувядаемыми лаврами героя, коихъ цѣна должна была возвысить его въ глазахъ, родителя и *Росвика*, и доставить ему руку *Мионы*.

Душа его терялась въ изчисленіи восшорговъ, которые должны были возбудиться въ немъ при свиданіи его съ своей любезною. Везиреспанно говорилъ онъ *Тиральду* о днѣ своего возвращенія; и едва могъ дожидаться той минушы, въ которую онъ достигнетъ своей родины и обыметъ шамъ всѣхъ милыхъ и драгоценныхъ его сердцу.

Его нетерпѣніе придавало ему крылья, и уже шпигцы башенъ опечественнаго замка сиялись въ ошдаленности, какъ

во мранѣ пріятнаго вечера от-
далились они съ *Гиральдомъ*
отъ воиновъ.

Скоро примущь меня опече-
сшвенныя спѣны мирнаго моего
жилища! вскричалъ онъ съ во-
ешпоргомъ. Скоро почувствую я
сладость обвѣщій моей любез-
ной, и сердце мое трепещеть
отъ восторга сладостной ми-
нуны щасливаго свиданія! О!
еслибъ въ дыханіи вечерняго
зефира могъ я дошигнушь моей
любезной! и прелѣпешь столь
же быстро отдаленіе, меня съ
нею разлучающее! Поспѣшимъ,
любезный другъ! да вкушу я
скорѣе блаженство свиданія,
награду долгой разлуки.

„Умѣрь твою поспѣшность за-
премѣлъ глухой, ужасный голосъ
изъ за кустовъ. Въ несчастію,

ты еще не опаздаешь твоимъ
прїѣздомъ. Вооружи прежде сер-
дце твое мужествомъ. Смерть
въ твоёмъ родительскомъ замкѣ.
Горестъ и несчастіе ожидаютъ
тебя, гдѣ ты надѣялся снѣ-
скашь щастіе.“ Не подвижно
стоялъ *Отмаръ*, смотрѣлъ въ
ту сторону, откуда изходилъ
голосъ; хладный ужасъ неща-
снаго предчувствія пробѣгъ
всѣ его составы; онъ бросился
къ Гиральдомъ въ средину ку-
стовъ, увидѣвъ тамъ неизвѣ-
снаго вѣспника несчастія, но
нигдѣ не было его, и онъ скоры-
ми шагами пробѣжалъ долину.

Въ слѣдующее утро достигъ
онъ утесовъ, на вершинѣ копо-
рыхъ возвышался замокъ его
родителя, и его сердце испол-
нилось при этомъ видѣ еще

мрачнѣйшими чувствами, которые стѣсняли грудь его, и глаза его тщетно искали *Минону*, или опца своего въ оруженности замка, идущихъ встрѣтивъ его.

Баѣденъ препенуцъ взбѣжалъ онъ на утесъ: и оруженосцы *Бручовы* съ слезахъ и шраурѣ выслушили къ нему на встрѣчу. Ихъ печальныя черныя лица говорили ему, что шайбъ языкъ. „Великій Боже! вскричалъ онъ, и шайбъ мои предчувствія были справедливы. Смерть царствуетъ въ этихъ стѣнахъ! Говорите, изпоргните меня изъ моей мучительной неизвѣстности. Правда ли, что родители мой не существуютъ больше?“

„Правда; сказалъ ему одинъ изъ слугъ. Уже шесть дней покоишься добродѣтельный господинъ нашъ смертнымъ сномъ подлѣ своихъ предковъ.

Сраженъ этой вѣстію, повергся *Отмаръ* безъ чувствъ на руки слугъ, которые опѣсели его въ замокъ, и поздно уже несчастный вышелъ изъ своего безпамятства, чтобъ почувствовать всю цѣну своего несчастія.

„Гдѣжь *Миона* и ея родители? спросилъ онъ, и печальный взоръ его подчиненныхъ, ихъ мрачное молчаніе возбудили въ немъ и съ сей стороны шайный ужасъ. „Силы небесныя! вскричалъ онъ, не ужъ ли и ихъ не спало? Успокойтесь, любезный господинъ! сказалъ наконецъ

престарелый *Ганно*, начальник замка. *Аиноча* и *Росвикъ* живы, но со времени кончины вашего родишеля случились здѣсь такіе произшесшвія, копорые для насъ оспались непонятною загадкою, и опдалившіе совершенно съ того времени благороднаго *Росвика* опъ нашего замка.

Съ самой кончины нашего господина *Росвикъ* перемѣнился чрезвычайно: онъ избѣгаетъ всѣхъ людей, и запершися въ своемъ замкѣ, не выходитъ никогда. Ни одинъ изъ насъ не смѣетъ приближиться къ нему; онъ ненавидитъ всѣхъ насъ смертельно, и все, что принадлежитъ вамъ.

Что я слышу? „О! вскричалъ испугавшись *Отмаръ*. *Росвикъ*

меня не увидитъ? Я иду къ нему увѣришься въ шомъ самъ подлинно.

Тщешно старался старый и вѣрный слуга удержатъ его, и шѣмъ избавишь его опасности, которая могла легко произойти ему отъ приближенія къ свирѣпствующему его непріятелю: не возможно было остановить его. Свѣчрезвычайною поспѣшностію. лешѣлъ онъ въ замокъ *Росвика*.

Исполнено пламенной любви, билось сердце, когда онъ приближался къ замку и колебался между страхомъ и надеждою, но какъ скоро онъ поднялся на высоты утесовъ, то увидѣлъ воиновъ *Росвика*, которые застановили ему входъ въ замокъ.

„Что вы? спросилъ *Отчаръ*.
Развѣ вы не узнали меня?—Я

Отмаръ. Для чего вы преняш-
сшвуете мнѣ?

„Это строгое приказаніе на-
шего господина, отвѣчали они.
Удалишесь—и не навлеките на
себя гнѣва его, и не дерзайте
никогда приближаться къ на-
шему замку, или бесполезнымъ
насиліемъ умножите его гнѣвъ
противу васъ!“

„Однакожъ я отважусь на
это, вскричалъ *Отмаръ.* Ведите
меня къ *Росвику:* я долженъ
узнать причину, которая ощу-
ждаетъ меня отъ его сердца
и запрещаетъ входъ къ не-
му. Онъ слишкомъ благороденъ
для такого поступка, чтобъ,
не выслушавъ, могъ проклясть
меня.“

„Мы сами подвергнемся его
гнѣву, еслии исполнимъ ваше

шребованіе, опвѣчали войны; онѣ не хочеть васѣ видѣль, и приказѣ его намѣ есиль толпѣ, чшобы удерживать васѣ, и не выпускашь вѣ замокъ. Наша должностѣ есиль исполнить его приказаніе.

Такѣ! я насильно опворю себѣ дорогу къ нему вскричалѣ сѣ жаромѣ *Отмарѣ*, и спарался пройтишь сквозѣ ихѣ; но войны остановили его и удержали. Тогда вышелѣ *Гиральдо* къ нему изѣ замка и приказалѣ опспушить воинамѣ.

..Братѣ мой! вскричалѣ ему *Отмарѣ*, извясни мнѣ загадку: правдали, что *Росвикѣ* запретишь мнѣ входѣ вѣ свой замокъ?

Кѣ сожалѣнію это испинна, опвѣчалѣ печально *Гиральдо*.

Его гнѣвъ прошиву тебя вышелъ бы изъ границъ своихъ, есѣлибѣ онѣ увидѣлъ, что ты изпровергѣ и пренебрегѣ приказъ его. Повѣрь мнѣ себя; повинуйся теперь куда, спрогой волѣ *Росвика*, и послѣдуй за мною; я провожу тебя въ свой домъ, и извясню загадку, сколько самъ знаю.

Гиральдо повелѣ его съ собою. Что дѣлаешь *Миона*? спросилъ его *Отмаръ*.

Она занимается тобою въ своей любви, отвѣчалъ *Гиральдо*, и оплакиваетъ строгость отца своего, которая отдаляетъ ее отъ тебя; но чрезъ меня проситъ она тебя повиноваться волѣ ея родителя, и оставишь времени и стараніемъ ея любви превратишь его

ненависть къ тебѣ въ прежнюю любовь.

Отмаръ. Росвикъ ненавидитъ меня? Великій Боже! Чѣмъ я преспустилъ предъ нимъ, что его мысли такъ быстро перемѣнились изъ опеческой любви въ ненависть ко мнѣ?

Гиральдо. Я и самъ не знаю этой причины; она для всѣхъ насъ служила до сего времени еще тайною; но мнѣ извѣстно, что твоей покойный родитель подавалъ причину ему къ этой ненависти противу тебя.

Отмаръ. Мой родитель?

Гиральдо. Да; долго спрадалъ *Бруно* неизвѣстною никому печалью, которая удалила его даже и отъ его друга *Росвика*. Тщетно приступалъ *Росвикъ* къ нему съ прозьбами,

открыть сердце, и одна смерть
откроетъ тебѣ мою тайну и
заспавитъ тебя плакать о те-
бѣ и обо мнѣ,“ сказалъ ему
свой отецъ; и угнетенъ вну-
треннею горестію, онъ поспѣш-
но приближался ко гробу. —
Онъ умеръ. — Но, въ послѣдніе
часы жизни, призвалъ онъ *Рос-
вика* къ своему ложу и открылъ
ему тайну, которая у него по-
хишила спокойствіе его жизни;
она должна имѣть вліяніе на
тебя, потому что съ этого
времени любовь *Росвика* къ те-
бѣ исчезла, и превратилась въ
жесточайшее мщеніе, и ужас-
ный гнѣвъ противъ тебя. Онъ
угрожаетъ *Мионѣ* прокляті-
емъ и изгнаніемъ, если осмѣ-
лятся она писать къ тебѣ

любовь и искашь случаевъ видѣль себя.

Отмаръ. Ужасно! я не могу понять.

Гиральдо. Я столь же мало понимаю; однакожь оставь моей дружбѣ открытъ совершенно эту тайну и возвратишь тебѣ любовь *Росвика*; я бы меньше долженъ былъ любить тебя, нежели сколько люблю, чтобъ не сочестъ за святейшую мою должность помочь тебѣ оныя достигнуть твоего щастія. *Росвикъ* любитъ меня какъ сына, и я употреблю его нѣжность къ твоей пользѣ, чтобы уничтожилъ его несправедливую проливъ тебя ненависть. Я не буду спокоенъ до того времени, покуда не увижу тебя оныя въ его объ-

ятіяхъ. Я долженъ эшимъ тебѣ и *Мионѣ*, которая безъ тебя не можетъ жить; и мое удовольствіе и радость будетъ по , есѣли я соединю сердца ваши.

Отмаръ , О другъ мой ! На одномъ тебѣ основана теперь вся моя надежда , одинъ ты можешъ облегчить тяжесть угнетающаго меня жребія Твоея любовь и благородная душа укрѣпляютъ духъ мой и увѣряютъ , что исполнися твое обѣщаніе , и моя къ тебѣ благодарность будетъ безпредѣльна.

Гиральдо. Но ты и самъ долженъ мнѣ помочь исполнить мое обѣщаніе и , къ скорѣйшему достиженію нашей цѣли , какъ ни тяжело будетъ для тебя сносить сіе опдаленіе; но непре-

кословно повинуйся волѣ *Росвика*. Это нужно необходимо, еспли ты нехочешь всего совершенно испортить, и для того тщательнo удаляйся и избѣгай дорогъ, которыя могутъ завести тебя близко къ замку, чтобъ не попасться въ руки *Росвиковыхъ* мстителей и не сдѣлаешься жертвою его гнѣва.

Отмаръ. Какъ! Не уже ли *Росвикъ* такъ себя унижилъ, чтобъ искалъ незаслуженное мною мщеніе исполнить надо мною рукою наемниковъ?

Гиральдо. Точно. Одни мои неослабныя прозбы могли на этошъ развѣ оставишь тебя невредима: но вторичное поушеніе твое увидѣшь *Миону* и ворвашься въ замокъ, будешь стоишь тебѣ жизни. Я буду

часто увѣдомляшь себя о слабдствіяхъ моихъ стараній и употреблю всю силы разогнать мрачную тучу надъ тобою, угрожающею тебѣ гибелью.

Отмаръ (обнимая его). О, благородный человекъ! Твоя брашская любовь и нѣжнѣйшее участіе оживляетъ меня; но если ты искренно меня любишь и хочешь жертвовать мнѣ всемъ, то исполни мою просьбу.

Гиральдо. Требуй и не сомнѣвайся.

Отмаръ. Дославъ средство, увидѣшь мнѣ мою любезную *Миону*. Разлуку съ ней не могу я переносить.

Гиральдо. Ты требуешь невозможнаго: поврайнѣй мѣрѣ шеперь я этого не могу исполнить. *Миона* скрыта въ опредѣннѣйшей башнѣ замка и

охраняема крѣпчайшею стражею, и ее увидѣшь никакъ невозможно: но будь спокоенъ и дай пройдишь первой бурѣ гнѣва *Росвика*; а потомъ, какъ скоро будетъ удобный случай, увидишь ты *Микону*.

Симъ послѣднимъ увѣреніемъ долженъ былъ успокоить себя *Отмаръ*; со всею искренностию своего добраго сердца, расставаясь, заключилъ онъ *Тиральда* въ свои объятія; но, съ какимъ бы пренесомъ описнулъ онъ онъ него, есѣли бы могъ проникнуть въ сердце сего злодѣя и обнаружитъ его прищворство, которое предлагало ему помощь свою и есѣлибъ онъ зналъ, что первое его стремленіе было возжечь, сколько можно, болѣе противъ него гнѣвъ *Росвика*!

XIII.

Въ торжествѣ лешѣль *Гиральдо* къ своему опцу извѣстишь его о происшествіяхъ, случившихся въ замкѣ *Росвика* и старый *Рино* веселился вмѣстѣ съ нимъ, узнавъ переѣну чувствъ *Росвика* къ *Отмару*, хотя и не могъ понять причины отъ чего это произошло.

„Для меня очень важно узнать истинную причину этой ненависти *Росвика* къ сыну своего друга, сказалъ *Рино*, потому что я спрошусь, не основана ли она на какомъ-нибудь пустомъ подозрѣніи, которое очень легко можешъ произойти отъ вѣчнаго объясненія. Я пойду самъ туда ишоргнуть эту тайну изъ сердца *Росвика*, и ешьли не удастся мнѣ, шо

шы долженъ употребить все свои старанія и силы, какъ можно ближе привлечь къ себѣ сердца *Росвика* и *Мионы*, чтобъ умножать безпрестанно гнѣвъ его прошивъ *Отмара*, а *Отмару* запереть все пуши увидѣшь *Миону* и ея отца.

Давши сыну своему все нужные наставленія для исполненія въ дѣйствѣ своего намѣренія, пошелъ онъ, опираясь о сына, въ замокъ *Росвика*, который принялъ его съ чрезвычайною радостію.

Между тѣмъ *Отмаръ* въ горести и слѣзахъ проводилъ дни въ своемъ замкѣ разлученъ съ своей любезной онъ былъ нечувствителенъ и мертвъ ко всемъ пріятностямъ жизни, и каждый предметъ, его окружающій,

умножалъ его неизцѣлимую скорбь и давалъ ему чувствовашь больше цѣну ея. Тщешно ожидалъ онъ каждый день извѣстїя ошъ *Гиральдо*, на которомъ была основана вся его надежда, онъ не показывался долгое время, и когда наконецъ явился на нѣсколько минушъ въ замкѣ *Отмара*; по все, что онъ услышалъ ошъ него, были одни пусшыя увѣренїя дружбы и холодныя увѣщанїя сносишь съ шерпѣнїемъ волю *Росвика*.

Не возможно было *Отмару* успокоишь свое сердце; онъ былъ швердо увѣренъ, что не подавалъ никогда ни малѣйшей причины *Росвику* лишишь себя его опеческой любви, и ошъ шого больше и больше возраспало его любопышство узнашь при-

чину его ненависти. Послѣ многихъ къ тому покушеній, наконецъ рѣшился онъ войти въ его замокъ, и чрезъ прозбы свои склонить его открыть ему шайну, но все его стараніе было бесполезно. Каждое его покушеніе умножало только ненависть и гнѣвъ въ *Росвикѣ*. Подъ страшными угрозами былъ *Отмаръ* удерживаемъ его воинами и возвращаемъ оными обратно въ свой замокъ, и, если бы онъ не хотѣлъ подвергнуться его мщенію и видѣть исполненными надъ собою его слова—умереть въ мрачной пещницѣ, то долженъ былъ онъ ошступиться; но любовь его принудила отважиться на все. Въ различныхъ видахъ и одеждахъ приходилъ

онъ въ замку: но и то было напрасно, и всякое покушеніе оспавалось шщетно противъ неусыпности *Росвика* и его стражей. Много разъ былъ онъ въ опасности попасъся въ руки послѣднихъ и бышь преданнымъ ярости мщенія своего врага, естльибъ безпрестанное пребываніе близъ его замка было ими открыто. *Отмаръ* не воображалъ, чшобы *Гиральдо* былъ измѣнникомъ и открывалъ *Росвику* всѣ его предпріяшя, и самъ разводилъ стражей, долженспвующихъ погубишь его.

Состояніе бѣднаго *Отмара* шановилось часъ отъ часу достойнѣе сожалѣнія. Мученія безнадежной любви дѣлали для него жизнь несноснымъ бреме-

немъ, и въ мрачномъ отчаяніи
скипался онъ въ окружности
по уединенной пышнѣ—безъ
цѣли, безъ намѣреній шелъ онъ
въ горестномъ уныніи своего
сердца, какъ наконецъ дорога
привела его нечаянно къ ска-
ламъ *Хиллы*, ужасной для всѣхъ
спранниковъ. Спращный *Улло*
явился неожиданно несчастно-
му и, чрезъ обнадеживаніе сво-
ей помощи, оживилъ снова уми-
рающую уже въ немъ надежду.

Въ горести проводила дни
свои спращная *Миона* подлѣ
мрачнаго, уединеннаго своего
оща. Его ненависть къ *Отма-
ру* оправляла всѣ ея радости.
Отмаръ былъ столь драгоцѣ-
ненъ ея сердцу, что она не
могла переносить равнодушно
разлуку съ нимъ и вѣчное ро-

дишельское изгнаніе изъ замка наполняли грудь ея сильною горестію. Со слезами поверглась она въ объятія отца своего и умоляла его: изъсребись изъ его сердца необыкновенную свою ненависть, прошивъ *Отмара*, напоминая ему обѣщанія, данныя имъ умирающему *Бруно*, умоляла его не бышь несправедливымъ и не дѣлашь юношу несчастнымъ; но ея слезы, ея прозбы не имѣли надъ нимъ ни малѣйшаго дѣйствія. Свѣгивомъ општалкивалъ онъ ее отъ себя, и восклицалъ свѣ дикимъ взоромъ: „покуда ешь дыханіе въ моей груди, буду я ненавиждѣшь и гнашь *Отмара*! Мое проклятіе да поразитъ его! Да поразитъ и шебя, ешьли ты опважишь-

ся имѣшь къ нему надежду любви ! “

Одна *Эдда* была утѣшеніемъ безошрадной *Мионы*; на ея чувствительное сердце изливала *Миона* слезы свои. *Эдда* всѣми силами старалась облегчить скорбь милой своей подруги — и влила хоща малую надежду въ умирающую ея грудь; она всячески старалась ей доставить чрезъ *Гиральдо* извѣстія объ *Отмарѣ*: но всѣ они были такъ неосновательны и двоясмысленны, что вмѣсто удостовѣренія *Мионина* сердца, они болѣе его расправляли, и подали ей причину сомнѣваться даже въ искренности *Гиральда*. Наконецъ *Эдда* рѣшилась непременно узнать обстоятельно положеніе не-

щасшнаго *Отмара*, и при первомъ удобномъ случаѣ непри-
мѣтно удалился изъ замка и
ошылскашь его.

Какъ неописанно было удив-
леніе *Отмара*, и его радость,
когда во время своей уединен-
ной прогулки вдругъ встрѣпи-
лась ему *Эдда* въ рошѣ и оп-
крыла ему поручишельство его
любовницы! Она показалась ему
ангеломъ утѣшенія, пришед-
шаго оживишь угасающую его
жизнь. Исполнено благодарно-
сти и любви, лешбло его серд-
це ей встрѣчу — и въ обоихъ
сердцахъ ихъ, казалось, возбу-
ждались чувства, кошорые при-
влекали ихъ другъ къ другу
очаровашельною силою пайной
симпатіи и исполняли ихъ вза-
имною довѣренностію. Проле-

пѣло нѣскольکو минутѣ, и союзѣ дружескѣва заключился между ими. Взоры *Отмара* съ благодарностію обратились къ небесамѣ, даровавшимѣ въ *Эддѣ* друга его сердцу, которому онѣ могѣ вѣбритъ всѣ свои чувства.

Онѣ осыпалѣ *Эдду* вопросами о своей *Минонѣ*, на копоры она едва успѣвала отвѣчать ему. Когда же его любопытство было совершенно удовольствовано, и онѣ рассказалѣ ей приключенія прошедшихѣ дней своихѣ. Прислутилѣ онѣ къ ней съ новою прозьбою, чтобѣ она доставила ему случай, хопѣ на одну минушу, увидѣть свою любезную и поговорить съ нею. *Эдда* общала ему съ радостію свою помощь; и они занимались расположе-

нѣмъ и средствами, нужными къ исполненію ихъ предпріятій и желаній и къ преодолѣнію препятствъ, положенныхъ *Роевикомъ*, какъ вдругъ сквозь кушарники принесли къ нимъ знакомые звуки *Уловой* арфы.

„Что это?“ спросила *Эдда* съ удивленіемъ. „Откуда происходятъ сіи звуки? Что они значатъ?... Кажется, я ихъ нѣкогда слыжала.“

„Охраняющій меня находишься вблизи отъ насъ,“ отвѣчалъ *Отмаръ*. Эта игра предостерегаетъ меня отъ опасности, которая можетъ быть отъ насъ недалеко. Прекратимъ нашъ разговоръ и удалимся на надежнѣйшее мѣсто.“

Едва прошли они нѣсколько шаговъ, какъ съ другой сторо-

ны выступилъ. къ нимъ *Гиральдо* на встрѣчу избѣга куштовъ, при видѣ котораго *Эдда* съ шрепешомъ бросилась въ сторону, *Отмаръ* послѣдовалъ бы также за нею; но *Гиральдо* его примѣшилъ, и съ радостной улыбкою измѣнникъ приближился къ нему.

Встрѣча *Отмарова* съ *Улломъ*, сіе вѣрное предвѣстіе близкой опасности, возбудила сомнѣніе и боязнь въ душѣ *Отмара* противъ *Гиральда*, а предостерегающіе звуки арфы *Бардовой*, которые онъ шеперь слышалъ. умножали еще болѣе его сомнѣніе. *Отмаръ* помнилъ ужасное спрашилище; которое въ лицѣ *Гиральда* видѣлъ онъ въ магическомъ зеркалѣ *Барда*, и не могъ безъ ужаса смозрѣшь на

тайнаго врага своего. *Гиральдо* замѣтилъ это и, казалось, былъ изумленъ его холодно-стию. „Что съ тобой сдѣлалось?“ спросилъ онъ: „твое обхожденіе такъ необыкновенно, такъ чуждо. Какъ долженъ я понимать его? — Я спраспно желалъ тебя видѣть но разныя обстоятельствова меня удерживали; наконецъ я нашелъ случай, и очень радъ, что нахожу тебя.

Въ самомъ дѣлѣ, любезный *Отмаръ!* можешь быть ны въ неудовольствіи на меня за мое отсутствіе, продолжалъ *Гиральдо*; но вѣрно не будешь обвинять меня, еслили скажу тебѣ, что ты самъ былъ его причиною. Старанія мои, пошущить въ сердце *Росвика* не-

зависть, которую онъ къ тебѣ питаетъ, подвергнули и меня его гнѣву, и я дорого долженъ былъ заплатить за мое о тебѣ ходатайство. Онъ приказалъ мнѣ прекратитъ совершенно знакомство наше; его шпіоны примѣчали все шаги мои, и не исполненіе его воли навлекло бы на меня еще жесточайшій гнѣвъ; я долженъ былъ, подобно заключенному преступнику, спрадать подъ спражею. Вчера только освободился я и, не взирая на угрожающую мнѣ опасность, не могъ я прошившись спремленію моего сердца — себя видѣть; я избралъ удобную минуту, и легъ найтись тебѣ, и принесъ тебѣ извѣстіе о *Минонѣ*.

Отмаръ. *Гиральдо!* Соопшвѣш-
ствуешъ ли швое сердце тому,
что произносяшъ уста швои?
Думаешъ ли шы поступишь со
мною такъ?

Гиральдо. Какой вопросъ! Не
уже ли шы можешъ сомнѣвашь-
ся въ истинѣ моей въ тебѣ
любви и дружбы?

Отмаръ. Мое несчастіе при-
нудило меня сомнѣвашься и въ
самомъ себѣ.

Гиральдо. Прочь съ такими
мрачными мыслями: не ешьли
это сильнѣйшее доказатель-
ство, что я люблю тебя, ко-
гда я ищу свиданія съ побою,
не взирая на опасности под-
вергнуться гнѣву *Росвика*. Мое
положеніе будетъ ужасно, ешь-
ли онъ узнаешъ, что я для
тебя сдѣлалъ.

Отмаръ. И онъ все еще меня ненавидишь?

Гиральдо. Къ сожалѣнію! И я увѣряю себя, что его мщеніе и ненависть къ тебѣ угаснетъ только съ своею жизнію, и одна гибель твоя можетъ уполнить гнѣвъ его; онъ выходитъ изъ границъ, и его ужасные чувства изстребили совершенно изъ *Росвика* всѣ прежніе, которыми наслаждался ты въ прошедшемъ безпрестанно занимается онъ предпріятіями въ своей гибели, и я долженъ ваядую минути заниматься только отвращеніемъ отъ тебя опасностей, боковыхъ разитъ надъ тобой.

Отмаръ. Что же дѣлаешь *Минона*? Занимается ли она равномерно мною?

Гиральдо. Безпрестанно. Ты одинъ предметъ, занимающій насъ взаимно, она страдаетъ также отъ жестокости своего отца, и пришла бы въ отчаяніе, естлибъ не подкрѣпляла ее надежда на участіе, принимаемое мною въ судьбѣ вашей.

Отмаръ. О, естлибъ я могъ ее увидѣшь хоть наъ единый мигъ шокмо!

Гиральдо. Ты увидишь ее:

Отмаръ. Какъ! я ее увижу?

Гиральдо. Еще больше! Ты будешь наслаждаться щастіемъ совершеннаго обладанія ею; я помогу тебѣ доешигнуть сего, естли только ты готовъ послѣдовать моимъ совѣтамъ.

Отмаръ. Открой мнѣ ихъ.

Гиральдо. Непримируемая ненависть противу тебя въ гру-

ди *Росвика* изпробляешъ совершенно всѣ надежды, когда либо посвятить въ его сердце о тебѣ лучшія мысли; и только чрезъ одно рѣшительное средство можешъ ты достигнуть до цѣли своихъ желаній. Имѣешъ ли довольно мужества и присудствія духа избрать его?

Отмаръ. Если оно доставитъ мнѣ любезную, то къ чему выборъ? Я давно рѣшился.

Гиральдо. Такъ, слушай мое предложеніе; будь въ слѣдующую полночь подлѣ *Росвикова* замка: я усыплю виномъ стражей и помогу тебѣ достигнуть до задней валишки сада и приведу тебя въ объятія твоей *Мионы*; она съ неперпнѣніемъ пламенной любви ожидаетъ тебя: все приготовлено

въ вашему удаленію. Я провожу васъ до горы, и прежде, жели наступитъ день, вы будете безопасны.

Отмаръ. И ты желаешь этого?

Гиральдо. Я не могу до тѣхъ поръ наслаждаться покоемъ, какъ не узнаю, что ты и *Микона* щасливы взаимно. Теперь скажи мнѣ, желаешь ли ты принять и слѣдовать предложенію, которое изобрѣшено дружбою и увѣнчается рукою любви.

Отмаръ. Могу ли я имѣть другую волю? Я вѣрю тебѣ во всемъ; принимаю съ благодарнымъ сердцемъ швое дружеское обхожденіе, и въ будущую ночь не заспаваю тебя ожидашь меня долго въ назначенномъ мѣстѣ.

Ужасно раздались звуки диких акордов *Улловой* арфы въ тишинѣ, царствовавшей въ глуши лѣса и испоргли свужасомъ *Отмара* извѣобвяшій *Гиральда*.

Св препешомъ оглянулся *Гиральдо* въ ту сторону, откуда происходили звуки. „Что значашь сіи пронзительные тоны?“ спросилъ *Отмаръ*; поспѣшимъ узнать, откуда произошли они. Я спрашусь тайной измѣны.

„Не опасайся,“ отвѣчалъ *Отмаръ* разсѣянно, „я понимаю сіи прошивные тоны; но ты оживилъ мое сердце столь сладостной, столь лестной надеждой, что я не могу имъ повиноваться. Чтобы не произошло, но я решился послѣдовать, хо-

пѣ однажды, влеченію моего сердца, и слѣдующая полночь покажетъ мнѣ, чего могу я ожидать отъ тебя. Онъ подѣлъ ему руку и пошелъ съ нимъ въ свой замокъ.

XIV.

Гиральдо употреблялъ всю жизнь, чтобъ, сколько можно, болѣе выиграть себѣ любви и довѣренности у *Росвика* и, изпробивъ совершенно изъ памяти его *Отмара*, умноживъ прошивъ него ненависть своего благодѣтеля и украсясь своими ласкательскими словами въ сердце *Мионы*, изгнавъ изъ него своего соперника *Отмара*. Его старанія имѣли и въ кошорый успѣхъ у *Росвика*, но въ разсужденіи *Мионы* не имѣли они ожиданнаго имъ послѣдствія. *Миона* очень скоро увѣрилась, что прежнее дружество *Гиральда* къ *Отмару* было одно пришествіе; что всѣ его старанія, такъ какъ и опца его, распространялись къ той цѣли,

чтобы умножишь, сколько можно, ненависть къ *Отмару* въ груди ошца ея, и ошдалишь его навсегда отъ его сердца; а симъ подлый злодѣй искалъ получишь руку ея. Это ошкрышїе исполнило къ нему сердце ея презрѣнїемъ и ненавистїю: и сіи чувства умножались по мѣрѣ того, какъ *Тиральдово* стремленїе умножалось получишь ея руку.

Она шрепетала при ужасной мысли, что можетъ бышь удасться *Тиральду* своими ласкательствами сколько очаровать ея ошца, что онъ подтвердишь намѣренїе *Тиральда* о союзѣ съ ней, и всѣ старанїя *Эдды* едва имѣли успѣхъ успокоишь ее отъ сихъ мыслей.

Подобно горестной пѣни,

печально бродила *Миона* въ стѣнахъ опеческаго замка. — Неизвѣстность шерзала ея сердце; и мученія безнадежной любви ищощали медленно ея здоровье. Время наконецъ убишило нѣсколько жеспокоси *Росвика*; его дикій гнѣвъ превращился въ тихую горестъ; съ глубокою печалію обращался взоръ его на блѣдныя щеки и на наполненные слезами взоры своей несчастной дочери. Ему казалось, что ея унылый и мершвыи видъ упрекалъ его безпрестанно въ ужасной жеспокоси, хошя уста ея и молчали о томъ.

Онъ видѣлъ, какъ его любезная дочь помилась горестію и медленно приближалась ко гробу, пасшь невинною жер-

швою злобнаго его рока, преняшшвующаго ему утѣшилъ страждущую, и разогнашъ ея мрачную скорбь и снова оживилъ ея сердце сладостію щастія и радости, соединивъ ее съ любезнымъ ей юношею, котораго онъ заставленъ былъ ненавидѣть противу своей воли. Съ каждымъ днемъ становилось несноснѣе его сердцу, что онъ *Минону*, которая своею дѣвскою покорностію и любовію умножала въ себѣ его любовь и довѣренность, долженъ былъ оспаривать въ неизвѣстности въ разсужденіи своей ненависти въ *Отмару*. Ея тихая горестль каждый день принуждала его болѣе и болѣе изпоргнуть ее изъ мучительнаго сомнѣнія и прервать наконецъ свое молчаніе.

Въ одинъ вечеръ сидѣла *Миона* подлѣ своего отца при розовомъ сіяніи вечерней зари: ея унылый, наполненный слѣзами взоръ былъ обращенъ въ ту сторону, гдѣ, за синѣющимъ лѣсомъ, позади возвышающихся горныхъ скалъ, находился *Отмаровъ* замокъ.

Росвикъ чинилъ пламенное, нешерпѣливое желаніе въ ея взорахъ, и съ чувствами глубокой горести заключилъ ее въ свои объятія.

„Милая дочь!“ сказалъ онъ ей, „еслибъ ты могла чувствовать, какъ тяжела каждая слеза твоя на моемъ сердцѣ, какъ страшно потрясаетъ душу мою каждый взоръ на то будущее, о которомъ я мечталъ нѣкогда съ такою пріятностію!

Мои волосы посѣдѣли, и приближаюсь къ определенному жребію всѣхъ смертныхъ; и я съ тихою радостію повергся бы во всеобъемлющее лоно природы, естлибѣ зналъ, что оставляю тебя, любезная дочь моя! щасливую и покойную!

Миона скрыла лице свое на его грудь: „бапюшка! естли я не ошибаюсь въ истинѣ вашихъ словъ, то прошу, умоляю васъ, не принуждайте мое сердце избрать себѣ супруга. Вы взяли *Гиральда* какъ сына, и я не желаю знать, заслуживаетъ ли онъ, или нѣтъ, быть моимъ супругомъ и раздѣлять отеческую вашу любовь со мною; но никогда я себя не принужу быть его супругой и любить его.

Росвикъ. Я никогда не думалъ шавъ, любезная *Минона!* Правда, что *Гиральдо* добръ, и благороденъ душею, и что я никогда́ бы не спалъ тебѣ прошиворѣчить, есльлибъ шы желала имѣшь его мужемъ; но я далекъ отъ того, чшобъ когда-нибудь желалъ принуждать тебя къ выбору супруга; избрай его по желанію швоего сердца.

Минона. Ахъ! оно давно уже избрало несчастнаго *Отмара!*

Росвикъ. Горе тебѣ и мнѣ! Только въ немъ одномъ тебѣ я долженъ отказать.

Минона. Также онъ одинъ шолько, кошорый можетъ составить мое щасшіе; съ нимъ соединено мое сердце неразрывными узами. Вы сами освя-

пили союзъ нашей любви , и безъ него я никогда не могу наслаждаться благополучіемъ. О, родитель мой ! естли щастіе и жизнь вашей несчастной дочери для васъ драгоценны, то прошу, заклинаю васъ, изпребите вашу несправедливую ненависть къ несчастному, и возвратите ему ту любовь, которую справедливо заслуживаетъ добродѣтельный *Отмаръ*.

Росвикъ. О, естлибъ въ моей волѣ было исполнишь сіе съ радостію пожертвовалъ бы я за то послѣдними днями моей жизни ! Плакивай меня , дочь моя ! я несравненно несчастіе себя , пошому что долженъ , прошивъ воли своей , не внимать швоимъ прозьбамъ и слезамъ.

Миона. Чтожъ принужда-
етъ васъ къ этому?

Росвикъ. Судьба. Я не могу
долбе шайшь отъ тебя при-
чинъ моей горести и моей не-
нависти къ *Отмару*. Ты дол-
жна узнать связь шайнспвен-
ныхъ произшесвий и судить
о нихъ. Скажи мнѣ, можешь
ли ты оправдать меня, еспь-
ли бы я опдалъ единспвенную
дочь мою, и наследницу моего
рода, величайшему изъ враговъ
дома нашего?

Миона. Я не понимаю васъ.
Отмаръ первый врагъ нашъ?

Росвикъ. Такъ! правда, что
Отмаръ никогда не огорчалъ
меня; но преступленіе его оп-
ца прошивъ меня, его ужасное
злодѣйство заспавляютъ меня
равно ненавидѣшь и его сына,

и опдалить навсегда *Отмара* отъ моего сердца.

Миона. Вы умножаете тайну вашей непоняшной загадки. Развѣ *Бруно* былъ злодѣй вамъ? Тошѣ, кошораго память и теперь еще для васъ священна. Чѣмъ огорчалъ онъ васъ, что ваша ненависть изливается на его несчастнаго сына?

Росвикъ. *Бруно* не былъ опцемъ *Отмара*; онъ взялъ его къ себѣ вмѣсто сына, и до самой смерти моего друга непроницаемый мракъ скрывалъ отъ взоровъ всѣхъ подлинное рожденіе *Отмара*, только предъ послѣдними днями разлуки его съ нами, тайна сія открылась.

Миона. Я шрепещу; я предчувствую, что вы хошите открышь мнѣ.

Росвикъ. Такъ! приготовься мужественно услышать и перенести нѣчто неожиданное; неслыханный, подлый обманъ похищилъ всѣ сладостныя наши надежды, и съ адскою хитростію ввелъ въ домъ мой сына, смертельнаго моего непріятеля и убійцы твоего брата *Эдгарда*, чшобъ эшотъ злодѣй, похищивъ сердце моей дочери, довершилъ адскую свою злобу, и совершенно разрушилъ мое щастіе.

Миона. Что вы говорите, батюшка! *Отмаръ?*

Росвикъ. Сынъ недостойнаго *Волдемара*, хищника моего покойствія, убійцы моего любезнаго сына!

Миона (падая безъ чувствъ въ его объятія). Я не ожидала

этого, бѣдный, несчастный
Отмаръ!

Росвикъ. Онъ несчастенъ. —
Это правда. Предъ судомъ Все-
вышняго. потребуетъ онъ въ
шомъ отчета отъ шѣни отца
своего. Теперь рѣши сама, ми-
лая дочь! могли ли любить
Отмара? и несправедлива ли
моя ненависть къ нему?

Миона. Простите мнѣ, ба-
пюшка! Моя любовь заславля-
етъ меня только жалѣнь о не-
счастномъ. Но, ахъ! виновенъ
ли онъ въ преступленіи сво-
его отца? виновенъ ли *Отмаръ*,
что *Волдемаръ* былъ злодѣй?

Росвикъ. Кровь убійцы моего
Эдгарда струится въ немъ; пе-
чась преступленія отца сія-
етъ на челѣ его сына *Отмара*;
его взоръ для меня есть взоръ

смерти, и можешъ превратить
меня въ кровожаждащаго шиг-
ра, чтобъ его кровію удовлеотво-
ришь гнѣни моего *Эдгарда*, во-
плюющей о мщеніи.

Миона. Нѣтъ, бапюшка!
сердце *Отмара* чисто онѣ этой
крови, онѣ заслуживаетъ не не-
нависть вашу, но сожалѣніе: не-
щасный знаетъ ли, что *Вол-*
дмаръ былъ отецъ его?

Росвикъ. Нѣтъ! ни онѣ, ни
кто другой не знаетъ этой шай-
ны; онѣ все еще почищаетъ
своимъ опцемъ покойнаго *Бру-*
но, и клятва, данная мною мо-
ему другу при его кончинѣ,
обязываетъ меня всѣми сила-
ми наблюдать молчаніе объ
этой тайнѣ его рожденія.

Миона. Чувствуете ли вы,
бапюшка! сколько неизвѣст-
носшь, въ кошорой находишься

Отмаръ, должна его мучить. Я прошу, заклинаю васъ въ другой разъ; призовише обращено ваше великодушіе и заспавъте его торжествовать надъ вашей ненавистью. Увѣрьте себя, что *Отмаръ* только несчастенъ; но не злодѣй, заслуживающій ненависть вашу.

Росвикъ. Воспоминаніе о злодѣйствѣ его отца изстребляетъ / всѣ крошкіе чувства въ груди моей, возбуждающіеся иногда въ ней къ несчастному *Отмару*. Его видѣ будешь разстраивать только снова рану, нанесенную моему сердцу *Волдемаромъ*. *Отмаръ* не существуетъ для тебя болѣе!

Миона. И я погибну въ несчастіи!

Росвикъ. Дабудетъ проклятѣ, злодѣй! — проклятѣ и на той странѣ гроба! оправившій ядомъ всѣ радости наши и погубившій наше спокойствіе. — Горе извергу!

„Не проклинай нещаснаго *Волдемара*,“ прервалъ его дикій и громкій голосъ: „твое проклятіе несправедливо.“ *Росвикъ* оглянулся съ удивленіемъ, и незнакомый человекъ, обернутый епанчею, выступилъ изъ за кустарниковъ, окружавшихъ гору.

„Кто ты, обвиняющій меня въ несправедливости?“ спросилъ *Росвикъ*, разсматривая пристально незнакомца — или всѣ тайны мои тебѣ извѣстны? и знаешь также преступленіе ненавистнаго *Волдемара*, содѣ-

лавшее его прошивъ меня злодѣемъ?

Мезнакомецъ. Я знаю все: — знаю, что ты находишься въ ужасномъ заблужденіи, которое влечетъ тебя къ несправедливости. *Волдемаръ* не заслужилъ своей ненависти; онъ никогда не былъ злодѣемъ, и ложный видъ пресупленія обременяетъ его, которыми оклеветали его враги, и которые изобрѣлъ твой шайный злодѣй къ собственной своей гибели. Змѣй, отправившій своимъ ядомъ свое спокойствіе, изгибается близь тебя непримѣтно во мракѣ, и ты беззаботно питаешь его на груди своей; но мой долгъ есть сокрушить стрѣлу, которая направлена въ грудь твою.

Росвикъ. Но ты кто, ищущій хитростию вымысловъ обмануть меня?

Незнакомецъ. Я не обманываю себя; — не обманываю истинно, такъ какъ истинно и то, что есть Превѣчный мститель, пронцающій все сокровенное и обнаруживающій злодѣйства. Еще разъ *Росвикъ*! ты плаваешь въ заблужденіи; твое гоненіе *Волдемара* было несправедливо; никогда не преставаешь онъ быть твоимъ другомъ; никогда гоненія твои не воспаменяли мщенія въ его сердце къ тебѣ; и онъ невиненъ въ несчастіи своемъ отъ всѣхъ преступленій, совершенныхъ надъ тобою.

Росвикъ. Можешь ли ты доказать мнѣ это?

Мезнакомецъ. Могу; но не дерзаю послушать прошиву воли вѣчнаго мстителя злодѣйствъ. Будущее все откроетъ твоимъ взорамъ; и ты содрогнешься отъ ужаса, узнавъ, что павлось въ лонѣ его.

Росвикъ. Кто жъ ты, вѣспникъ несчастія?

Мезнакомецъ. Знай, *Росвикъ!* что хищникъ твоего щасія, и убійца твоего сына, есть шакже злодѣй, разрушившій спокойствіе и моей жизни. — Не проклинай *Волдемара*: ибо клятва твоя упадетъ обратно на самаго тебя. *Волдемаръ* не былъ злодѣй, и понесъ невинно тяжестъ чуждаго преступленія. Настоящій убійца твоего *Эдгарда* живетъ спокойно въ шишинѣ, и радуется

удачному успѣху своего злодѣйства. Изображенное пламенными чершами, горитъ имя его въ душѣ моей до шѣхъ перъ, какъ жажда мщенія попухнешь вмѣстѣ съ ними. Часъ близокъ, который сорветъ обманчивую личину съ ихъ злодѣйствъ.

Росвикъ. Но, кто ты? приступи ко мнѣ ближе, естли хочешь, чшобъ я повѣрилъ тебѣ, скажи мнѣ свое имя; дай мнѣ взглянуть въ лице себѣ.

Незнакомецъ. Я не имѣю уже больше никакого имени. и мой видъ не принесетъ тебѣ ни малѣйшаго удовольствія, потому что я не принадлежу болѣе къ живымъ.

Росвикъ. Тѣмъ больше я желаю узнать себя. Ошкройся мнѣ.

Незнакомецъ. Ты желаешь сего. Да будешь по своему.

Онъ сбросилъ покрывало съ своей головы, и *Росвикъ* съ прешомъ отступилъ назадъ, когда увидѣлъ изъ подъ него поднявшійся обнаженный, мерзлый черепъ. Съ воплемъ ужаса поверглась *Миона* въ его объятія, и когда *Росвикъ* успрямилъ впорично свои взоры увидѣвъ привидѣніе, оно исчезло.

XV.

Отмаръ находился въ чрезвычайномъ безпокойствѣ. Слѣдующая ночь должно швовала, по общанію *Тиральда*, принести ему исполненіе пламеннѣйшихъ его желаній: онъ могъ видѣть любезную душу своей и говорить съ нею. Увѣренія *Тиральда* его общаній, казалось, были столь искренны, что онъ не могъ подозрѣвать обмана: но при всемъ томъ предостерегающіе тоны *Уловой* арфы возбуждали въ немъ предчувствія и сомнѣнія, которые онъ тщетно старался изгнать изъ своего сердца.

Въ нерѣшимости бродилъ онъ по кустарникамъ у подошвы горы, надѣясь найти невидима-

го своего друга, и узнать что-нибудь обстоятельное о его звуках арфы: однакожь его надежда была напрасна, и онъ нигдѣ не могъ найти ни малѣйшаго знака *Улы*. Вечеръ наконецъ наступилъ, и онъ бродилъ еще въ окружности; и чѣмъ ближе наступалъ назначенный часъ, тѣмъ болѣе возрастало его безпокойство.

Между тѣмъ вечеръ пролетѣлъ—и туманные облака его превратились въ совершенной мракъ ночи,—шумный кровъ ея распространился надъ *Отмаромъ* и всей природой: шеперь наступило время, когда должно было рѣшиться *Отмару* слѣдовать влеченію своего сердца или опасаться: но пылкое желаніе любви все побѣдило.

„*Минона* ожидаетъ меня,“ говорилъ онъ самъ себѣ, „и могу ли я заспавишь ее спрадась въ щещномъ ожиданіи меня; сильно спремишся къ ней мое сердце; и я хочу послѣдовать его влеченію. По крайней мѣрѣ я узнаю, могли полагашься на обѣщанія *Гиральда*; могли надѣяшься, что онъ другъ мнѣ испинно. Не возможно, чшобъ онъ могъ бышь споль ужаснымъ злодѣемъ, и, чшобъ соединясь съ моими врагами, распавлялъ мнѣ тайныя сѣпи къ моей гибели, звуки *Уловой* арфы были, можешъ бышь, шолько одно наспавленіе—бышь мнѣ осторожнымъ и осмотришельнымъ; и я буду спарась оправдась его довѣренность ко мнѣ шоч-

нымъ исполненіемъ его совѣтовъ; предусмошрительность будетъ управлять мною. Улло предложилъ мнѣ свою помощь въ опасностяхъ. И такъ чего же мнѣ спрашиться, когда онъ меня защищаетъ? Съ твердою надеждою на его помощь полечу я въ обѣщія моей любезной, и — естли опасность будетъ угрожать мнѣ, тогда серебряный рогъ призоветъ ко мнѣ на помощь моего всемогущаго благодѣтеля.

Онъ повѣсилъ черезъ плечо серебряный рогъ, и, вооружась въ предосторожность мечемъ, отправился въ путь. Густая тьма, прерываемая изрѣдка блѣднымъ свѣтомъ луны изъ за густыхъ облаковъ, покрывала всѣ предметы; —хладно въ-

или ночные вѣтры чрезъ горные ущесы, и тишина полуночи простираала всюду сладость тихаго сна. Покрытъ мракомъ ночи, шелъ *Отмаръ* съ препенущимъ отъ нешеривнїа сердцемъ по бесплодной и дикой сторонѣ: — вся душа его была у *Мионы*, какъ вдругъ раздались вдали печальные, унылые звуки знакома ему арфы, сквозь мершвой тишины ночи, и, казалось, желали опврапитъ *Отмара* отъ его дороги и призвать къ себѣ.

Отмаръ остановился въ изумленїи и нерѣшимости: онъ общался таинспвенному горному *Барду* повиноваться его наспавленїамъ и послѣдовать звукамъ его арфы; но теперь былъ онъ гошовъ нарушитъ свои обща-

нія и непокорностію навлечь на себя гнѣвъ *Уллы*: однаковѣ его сердце заглушило всѣ разсужнія и влекло его непреодолимо къ любезной ему *Мионѣ*.

„Не ужели долженъ я возвращишься, прошедши болѣе половины моего пути? сказалъ онъ самъ себѣ, и оставитъ безъ пользы предложеніе, которое даетъ мнѣ совершенное понятіе о намѣреніяхъ *Гиральда*. Я долженъ знать истину и видѣть доказательство: сіи звуки возвѣщающіе, можешъ быть, только мнѣ, что мой защитникъ находится вблизи отъ меня; по крайнѣй мѣрѣ я принимаю ихъ за таковыя, проси мнѣ мой другъ и благодѣтель! ты, который невидимо присуествуешъ со мною, что въ этомъ развѣ

голосъ сердца гораздо могуще-
ственнѣе моей воли, и что въ
полной надеждѣ на твою зади-
шу слѣдую я стремленію спра-
шной любви!

Звуки арфы повторились въ
прошивныхъ, дикихъ акордахъ,
которыя, казалось, извѣстляли
неудовольствіе *Барда*. И *От-
маръ*, исполненный боязливыхъ
предчувствій, сѣшилъ къ ку-
шарникамъ, окружавшимъ гору,
на которой былъ замокъ *Ро-
свика*. Едва вступилъ онъ въ лѣсъ,
какъ нѣсколько вооруженныхъ
людей представясь его взорамъ
и заснули ему дорогу.

„Это онъ; схватимъ его,“
вскричалъ одинъ голосъ, въ
которомъ *Отмаръ*, казалось,
узнавалъ голосъ *Гиральда*, и

вооруженные напустили на *Отмара*.

„Кто вы, которые, подобно подлым разбойникам, нападаете на уединенного путешественника? что вы хотите от меня?“ вскричал *Отмаръ*, и, обнаживъ мечъ, отражалъ нападающихъ.

„Сдайся,“ вскричалъ ему начальникъ воиновъ, мщение *Росвика* плаваешь надъ тобою; не думай спастись живаго или мертваго должны мы представить тебя нашему повелителю.“

„Назадъ, вскричалъ *Отмаръ*; острый мой мечъ откроетъ мнѣ путь между вами.“

Страшно напали на него его противники; храброе сопротивление умножало ихъ звѣрство и ослабило бѣшенство;

О П Е Ч А Т К И.

К Н И Ж К А П Е Р В А Я:

Стран.	Спрок.	Напечатано:	Читай:
4	9	горняго	горнаго
7	13	пишину	пишину
19	3	спарикъ	спарецъ
—	18	спаренъ	спарецъ
32	17	саставамъ	составамъ
—	19	добы	дабы
45	20	о прошедшихъ	о протекшихъ
29	14	слушимъ	слышимъ
57	1	надѣлся	надѣлся
60	10	аромами	аромами
64	21	я	и
74	5	лезно	полезно
